

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

ЖАРКОЕ ЛЕТО
2010

Славянская Сага

Андрей Бондаренко
Жаркое лето – 2010

«Автор»

2010

Бондаренко А.

Жаркое лето – 2010 / А. Бондаренко — «Автор»,
2010 — (Славянская Сага)

Веерные многоярусные «пробои» во Времени – штука необычайно увлекательная. Особенно это касается «пробоев», построенных по принципу детского калейдоскопа... Летом 2010-го на территории России установилась аномальная жара, сопровождавшаяся страшными пожарами. Тут же с телевизионных экранов высоколобые мужи с горящими глазами принялись усердно вещать: мол, «во всём виноваты подлые и бессовестные американцы, применившие тайное климатическое оружие!» Про американцев ничего сказать не могу. А веерные многоярусные пробои во Времени – штука необычайно увлекательная...

© Бондаренко А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

От автора	5
Пролог. Веерные многоярусные пробои	6
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвёртая	32
Глава пятая	40
Глава шестая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Бондаренко

Жаркое лето – 2010

От автора

Летом 2010-го на территории России установилась аномальная жара, сопровождавшаяся страшными пожарами. Тут же с телевизионных экранов высоколобые мужи с горящими глазами принялись усердно вещать, мол: – «Во всём виноваты подлые и бессовестные американцы, применившие тайное климатическое оружие!».

Может, это и так, а возможно, и нет. Вопрос, что называется, риторический. То есть, в эту элегантную версию, не имеющую каких-либо бронебойных доказательств, можно искренне верить. А можно – в пику высоколобым мужам – выдвигать ещё более изощрённые, но такие же бездоказательные версии....

Меня же во всей этой истории интересует только её аномальность.

Аномально-устойчивый антициклон.

Аномально-устойчивая жара.

Аномально-сильные пожары, спалившие дотла многие тысячи лесных гектаров и несколько десятков российских деревень.

Там же, где различные аномальности сплетаются крепкими морскими узлами, образуя мохнатый клубок странных явлений и призрачных тайн, всегда происходят разнообразные – порой совершенно-невероятные – события...

А ещё этот роман о том, что современные российские чиновники и депутаты – всех уровней и созывов – являются.... Ну, вы и сами, наверное, знаете – кем...

Вторая книга этого цикла будет называться – «Жаркое лето – 1010».

Третья – «Жаркое лето – 0010»

Четвёртая – ещё не продумал до конца.

Автор

Пролог. Веерные многоярусные пробои (Ранняя весна 2010-года, выезд на подлёдный лов рыбы)

Плотные серо-бурые облака медленно и плавно разошлись в разные стороны, и в образовавшееся окошко выглянуло ласковое мартовское солнышко. По тускло-серому ледяному панцирю озера, отражаясь от серебристого бока крохотной палатки, лениво запрыгали весёлые солнечные зайчики.

Браво махнув рюмашку ядовито-жёлтой деревенской самогонки, уфолог¹ Пал Палыч довольно крикнул и, аккуратно промокнув слюнявый рот рукавом старенькой телогрейки, продолжил повествование-лекцию:

– Общеизвестно, что наша прекрасная планета Земля окружена, если так можно выразиться, существенными магнитными полями. А отдельные поля, естественно, сливаются в Единое магнитное поле. Ну, как районы сливаются в области и провинции, а те – в свою очередь – в страны и континенты. ... Итак, существует Единое магнитное поле нашей многострадальной старушки-Земли. У этого поля, как вы, наверное, догадываетесь, имеется главная стационарная ось, вокруг которой постоянно мигрируют-перемещаются отдельные магнитные районы и области. Но, время от времени, от этой главной оси «высовываются» – на относительно короткие временные промежутки – боковые второстепенные оси-отростки. Что, естественно, вызывает вихревые нестабильности магнитных полей-районов и полей-областей. А нестабильности, планомерно наслаиваясь друг на друга, вызывают всякие...э-э-э, аномальные явления...

– Уважаемый докладчик! А, можно, чуть покороче? – с брезгливо-хмельными нотками в голосе невежливо прервал профессорскую лекцию Глеб Петров. – Изложите, милейшей, только самую суть этих – так называемых – аномальных явлений.

– Покороче? Только самую суть? Пожалуйста, господа нетерпеливые философы... В момент наслоения – друг на друга – нестабильностей крупных магнитных полей могут происходить локальные «пробои» во Времени. То есть, в этот момент Временные потоки очень тесно переплетаются между собой, и – чисто теоретически – обитатели одного Времени, случайно оказавшиеся на месте выхода на земную поверхность второстепенной магнитной оси, могут ненароком оказаться в другом. И, соответственно, наоборот...

– А в каких случаях возможны веерные «пробои» во Времени, следующие один за другим? То есть, многоярусные, построенные по принципу элементарного детского калейдоскопа? – поинтересовался слегка запяневший Гарик, рассеянно наблюдая за неподвижным кивком-сторожком зимней удочки.

– Некоторые авторитетные эксперты утверждают, что такие эксклюзивно-исключительные явления могут происходить во время аномально-устойчивых антициклонов, которые сопровождаются аномально-стабильной жарой и совершенно-неподвижным магнитным полем, – важно поведал Пал Палыч, закуривая мятую «беломорину». – Эй, не зевай, клюёт!

Гарик уверенно и умело подсёк, и уже через тридцать-сорок секунд, переливаясь всеми цветами и оттенками радуги, на весеннем пористом льду бойко запрыгал полукилограммовый линь.

– Линь – для нашей Ленинградской области – рыба весьма редкая и насквозь аномальная, – ехидно хмыкнул Петров. – Это, надо полагать, знаковое событие. Кстати, мне недавно одна знакомая метеорологиня шепнул по большому секрету, что предстоящее лето обещает быть очень жарким... Предлагаю выпить – за всякие и разные аномалии!

¹ – Уфология – изучение обстоятельств появления НЛО (неопознанных летающих объектов) и явлений, сопровождающих эти появления. В более широком смысле – изучение всех необычных явлений и объектов

Глава первая

Идейный волонтер и юная археологиня

Заканчивался май месяц, в Санкт-Петербургском Университете началась летняя сессия. Предстоящих экзаменов Гарик не боялся, а, вот, на душе было беспокойно и откровенно муторно.

– Да, что такое с тобой, приятель? – недоумевал Глеб Петров, его однокурсник и сосед по общежитийной комнате. – Рассеянный какой-то. Лежишь всё на койке, бездумно уставившись в немытое окошко, вместо того, чтобы старательно штудировать учебники и тетрадки с лекциями. Неприятные новости-известия из дома? Что-то случилось в вашей благословенной и неповторимой Рязани?

– Как тебе сказать, – нахмурился Гарик. – Вчера я звонил родителям. Ещё даже лето не наступило, а уже начались серьёзные лесные пожары. Мать говорит, что её по ночам мучают нехорошие предчувствия... Я сегодня с утра зашел в Интернет, а там – полный и конкретный мрак. Уже по всей стране пылают леса. Вот, что сообщает МЧС России по Рязанской области. Я перескажу своими словами, понятное дело: – «Двадцать первое мая 2010-го года. В результате ширококомандной авиаразведки было обнаружено шесть локальных очагов лесных пожаров – в Рязанском, Шацком, Клепиковском и Касимовских районах. Общая площадь возгорания – более тридцати гектаров. Самый крупный очаг возгорания обнаружен у деревни Сосновка Касимовского района...». В Сосновке, как раз, живут мои двоюродные дядя и тётя. Но дело даже не в этом... Отец говорит, что в области никто ничего не делает. Новые заградительные просеки не рубятся, старые не расчищаются. Пожарные водоёмы уже давно заросли тиной и кувшинками, к ним даже не подъехать – по причине густого кустарника, выросшего по берегам. Пожарных машин на ходу (естественно, не считая самой Рязани), раз, два и обчёлся... Папаня беспокоится, что если, всё же, полыхнёт по-настоящему, то быть большой беде. А у нас целая куча близких и дальних родственников проживает в рязанских деревнях и посёлках. Мой двоюродный дед, и вообще, трудится лесником в биосферном заповеднике. Отец даже письмо – на четырёх страницах – написал рязанскому губернатору, мол, так и так, надо что-то делать – пока ещё не поздно... Будет очень жалко, если сгорят заповедные леса Мещеры. Их ещё иногда называют среднерусской тайгой... А какие на Рязанщине заливные пойменные луга! А какая рыбалка...

– Не суетись, я в курсе, – невежливо прервал его Глеб. – Читал, знаешь ли, в противоречивом подростковом возрасте Константина Паустовского. Так что, можешь не напрягаться с красноречием. Что же касается лесных пожаров... Будем надеяться, что жара этим летом будет чередоваться с регулярными дождями и грозовыми ливнями. Глядишь, и пронесёт... Ну, не на Власти же надеяться, в конце-то концов?! Им, мерзавцам меркантильным, что надо? Выбить – по любому поводу – деньги из Центра, да и разворовать их за милую душу. Ведь, подрядчиками и субподрядчиками – практически при всех видах работ – всегда являются частные фирмы, платящие откаты из расчёта пятидесяти процентов от полученной прибыли. То есть, российские властные структуры кровно заинтересованы, чтобы прибыль частных подрядчиков была как можно больше... Деньги, естественно, очень быстро заканчиваются, после чего региональные чиновники и депутаты начинают слёзно канючить, мол: – «Добрые и щедрые дяденьки из Кремля белокаменного! Дайте, пожалуйста, ещё денежек! Пропадаем...». И так – строго по кругу... А, вот, в Белоруссии – всё совсем по-другому. Я в прошлом году туда ездил – в гости к тогдашней симпатии. Ты, братец, её не знаешь. Поссорились мы потом и, понятное дело, расстались навсегда. Девушка абсолютно ничего не понимала в рыбной ловле, а мою фирменную тройную уху обхаяла – последними и очень обидными словами... Так вот,

хоть и ругает – с пузырьчатой пеной на губах – наша пресса батьку Лукашенко, мол: – «Диктатор жестокосердный, гадкий душитель демократии и свободы...», а элементарного порядка в Белоруссии раз в десять-двадцать больше, чем в нашей насквозь либеральной России... Взять, к примеру, то же лесное хозяйство. В Белоруссия создана мощнейшая государственная служба, которая занимается комплексной охраной всех тамошних лесов. То есть, и «чёрных лесорубов» отлавливает безжалостно, и различные просеки поддерживает в надлежащем состоянии, и лесные пожары – в самом зародыше – тушит. Причём, тушит – с применением самой современной и эффективной техники. Так что, как мне кажется, белорусским деревням пожары угрожают на порядок (на два-три порядка?) меньше, чем российским.

– А в России, разве, нет такой службы? – удивился Гарик.

– Была, конечно. Но пару-тройку лет тому назад – после скоропалительного принятия несовершенного «Лесного Кодекса» – её, естественно, разогнали – к нехорошей матери...

– Зачем же – разогнали? Она кому-то очень мешала?

– Ты, братец, как маленький ребёнок! – восхитился-возмутился Петров. – Иногда несёшь такую откровенную чушь и ахинею – хоть стой, хоть падай... Конечно же, мешала! Да, ещё как... Ну, ты сам подумай. Кому, спрашивается, нужна государственная структура, осваивающая огромные деньги и не платящая при этом – чиновникам и депутатам – откатов? Правильно, абсолютно никому! Вот, и разогнали...

В середине июля сессия была успешно сдана, но ей на смену, как и полагается, пришла производственная практика. А поскольку Гарик и Глеб учились на философском факультете, то проходить её предстояло (как объявили в самый последний момент), в качестве вожатых – в трудовом летнем лагере для трудновоспитуемых подростков, который располагался где-то на северо-востоке Ленинградской области.

Для обсуждения и лучшего переваривания этой неожиданной и неадекватной новости, приятели – по давно устоявшейся традиции – отправились в пивной бар «Бочонок», заведение очень уважаемое и почитаемое в студенческих кругах Васильевского острова.

Слегка разбавленное пиво, каменные ржаные сухарики, солёная «соломка» и чуть-чуть пованивающая скумбрия. Что ещё надо – с философской точки зрения – для нехитрого студенческого счастья?

Взяв по две пол-литровых кружки «Василеостровского живого брожения» и один стандартный пивной набор на двоих, они разместились за торцевым деревянным столиком – напротив немытого окна, зато с видом на Средний проспект.

– Интересно, какая существует связь – между классической немецкой философией и хулиганистыми российским малолетками? – искренне негодовал Гарик, за пару минут покончив с содержимым первой кружки. – Кто мне объяснит? Не слышу ответа, мать вашу развратную! Что общего – между Гегелем и Макаренко, а?

– Не кипятись ты так, – невозмутимо посоветовал Глеб, громко хрустя ржаными сухариками. – Антон Семёнович Макаренко – с философской точки зрения – тоже является самым натуральным философом. Свою собственную и нестандартную теорию – неважно о чём – создал? Создал! Значит, философ... Да и трудные подростки имеют к классической философии гораздо большее отношение, чем, например, депутаты Государственной Думы от партии «Единая Россия».

– Почему это? – заинтересовался Гарик.

– Ты, дружище, хронический и беспросветный троечник, и этим всё сказано... Депутаты, они же ни в чём и никогда не сомневаются. То бишь, голосуют, не рассуждая, так, как им велят авторитетные и непогрешимые вожди. А трудные подростки, наоборот, сомневаются во всём. И, кроме всего прочего, всегда стараются докопаться до самой сути того или иного явления-процесса. Философия же, как всем (кроме наглых троечников!), хорошо известно, и

построена на постоянных сомнениях и рутинном поиске глубинной сути, то бишь, изменчивой и непостоянной правды...

– Всё равно, ужасно не хочется ехать в этот дурацкий лагерь! Во-первых, мне не нравятся трудные подростки. Ну, совершенно – не нравятся! Могу – ежели что – и не сдержаться. А рука у меня, как ты знаешь, тяжёлая... Во-вторых, домой тянет. Пожары-то в Рязанской области так и не прекращаются. Да и аномальная жара никак не спадает...

– Не вижу особых проблем, – хитро усмехнулся Глеб, с видимым удовольствием обса-сывая тощий хвост скумбрии. – Не хочешь ехать воспитателем в летний лагерь? Не езжай... Соскучился по природным красотам родной Мещеры? Взял, да и посетил...

– Ведь, отчислят, суки злые. Придётся срочно обучаться высокому искусству наворачивания холщовых портянок и отправляться – по осеннему промозглому холодку – в российскую армию. Типа – наглым и вальяжным «дедам» морды сытые чистить и острые зубы выбивать. Характер у меня такой. Опять же, гордыня чрезмерная. Вернее, обострённое чувство гордости. Посадят – в конечном итоге – ясный перец...

– Ха-ха-ха! – заразительно заржал Петров. – С тобой, друг, не соскучишься! Росту в тебе, Игорёк, практически два метра, плечи – шире не бывает, а, вот, с умом-интеллектом – как-то напряжённо...

– А в глаз? – недобро прищурившись, поинтересовался Гарик.

– Спасибо, не надо, – Глеб на всякий случай отодвинулся в сторону. – Извини, если что ляпнул невпопад. С кем не бывает? Опять же, будущему философу не пристало – обижаться на сиюминутную правду. Почему – на сиюминутную? Другой, извини, не бывает. То, что сегодня считается чистой правдой, завтра – запросто – может оказаться грязной ложью. Ну, как в знаменитой песенке Владимира Семёновича Высоцкого... Ладно, проехали. Перехожу непосредственно к делу. Ты, увалень белокрысый, когда-нибудь читаешь всякие бумаги-объявления, которые регулярно вывешивают на доске перед дверью нашего деканата?

– Только приказы об отчислении из Университета. А также списки должников – по сдаче всяких курсовиков и зачётов. Чтобы память освежить немного...

– Оно и видно! Короче говоря, сегодня на информационной доске появилось новое интересное объявление, мол: – «Формируется отряд волонтёров – для тушения лесных пожаров в Нижегородской и Рязанской областях. Участие в пожаротушении зачитывается в качестве полноценного прохождения производственной практики...». Просекаешь, дурилка здоровенная?

– Просекаю, – зачарованно протянул Гарик, медленно и плавно поднимаясь из-за стола. – Ещё как – просекаю...

– Ни с места! – сердито велел Глеб. – А как же пиво? Есть такая полезная русская народная примета, мол: – «Отправляясь в дальний путь, не оставляй на столе объедков и полупустых кружек. Иначе, не будет хорошей и доброй дороги...». Так что, изволь пиво допить, а сухарики и «соломку», соответственно, догрызть. Я, кстати, составлю тебе – по жарким делам пожарным – компанию. Не бросать же на произвол судьбы такого несообразительного недотёпу...

Отряд волонтёров – в составе двенадцати бойцов мужского пола – десантировался на рязанском железнодорожном вокзале только ранним утром двадцать девятого июля. Сборы слегка затянулись – заявления-оформления, получение суточных, сухих пайков, железнодорожных билетов, приметных курток и футболок – с крупными и яркими логотипами партии «Единая Россия», то, да сё...

– Плохо только, что прекрасного женского пола не наблюдается в наших славных и героических рядах, – всерьёз печалился, восседая на пухлом рюкзаке, Глеб. – Как можно полноценно существовать без симпатичных и шустрых девчонок? С философской точки зрения, это глупый и ничем необъяснимый нонсенс...

– Удивляюсь я на тебя, боец Петров, – криво усмехнулся Саша Никоненко – молодой и перспективный аспирант философского факультета, командир их волонтерского отряда. – Росточком ты не вышел, дай Бог, метр семьдесят наберётся, да и то – с трудом. Узкоплечий, тщедушный и сутулый. Смуглой мордой лица похож на молдаванина – с ярко-выраженными цыганскими корнями. А, туда же, ходок!

– И ничего удивительного здесь нет. Если, естественно, подойти к данному вопросу с философской точки зрения, – невозмутимо отпарировал Глеб. – Во-первых, я не молдаванин, а представитель славного мордовского народа. А это – две большие разницы. Для тех, кто понимает, конечно... В том смысле, что все поволжские ребята – ужасно выносливы и упорны, а женщины эти качества очень даже ценят... Во-вторых, как говаривал незабвенный Василий Макарович Шукшин: – «Мелкие клопы – злее кусаются...». Кстати, чего это мы тут сидим? Чего, спрашивается, ждём?

– Московский скорый поезд, он должен подойти минут через десять-пятнадцать.

– А, зачем?

– Затем, чтобы удовлетворить пожелания студента Петрова, – насмешливо прищурился начальник отряда. – То есть, появилась реальная возможность – разжиться молоденькими и симпатичными москвичками. Действительно, как при тушении лесных пожаров можно обходиться без трепетных и нежных барышень? Никак, понятное дело.

– Шутить изволим? – обиженно надулся Глеб. – Оно, конечно, аспирантам всё позволено. Особенно, подающим большие научные надежды...

– Дурак ты, братец, – весело объявил Никоненко. – А ещё считаешь себя корифеем классической философии. Обижаться на дружеские подколы – опять же, с философской точки зрения – последнее дело. Потому как является дурью несусветной... Поясняю, для особо непонятливых и нервных соратников. В соответствии с полученными в Питере инструкциями, на рязанском вокзале мы должны объединиться с отрядом волонтеров, сформированным из студентов московского Университета. А данный отряд – по моим конфиденциальным сведениям – состоит, как раз, из нежных девиц, изучающих хитрую науку археологию... Радуйтесь, орлы не востребованные, радуйтесь! Ага, вон и поезд прибывает... Со мной следуют пятеро бойцов, остальные охраняют шмотки. Бдительно, подчёркиваю, охраняют! Меня предупреждали, что местный железнодорожный вокзал – насквозь неблагополучное местечко. Здесь не стоит избыточно расслабляться и щёлкать клювами...

Гарик и Глеб, естественно, вошли в комиссию по встрече москвичек. Первый – как грубая физическая сила, могущая пригодиться при переноске тяжёлых грузов. Второй – в качестве опытного специалиста по быстрому и эффективному налаживанию дружеских контактов с капризным женским полом.

Они, с трудом преодолевая сопротивление встречного людского потока, медленно продвигались вперёд.

– Вижу приметные куртки! – объявил Гарик, самый высокий в дружном коллективе. – Бестолково кучкуются около девятого вагона. Видимо, нас поджидают.

– Чур, я первый! – попросил Глеб, – Пропустите вперёд опытного и выдавшего виды переговорщика!

Около неслабой горы разнообразных рюкзаков, чемоданов и баулов нетерпеливо переминались с ноги на ногу шесть молоденьких девиц. Одна барышня – румянощёкая кудрявая блондинка – выделялась из общей группы высоким ростом и солидной статью-комплексией.

«Настоящая кустодиевская² девушка! И ростом, явно, за метр восемьдесят», – одобрил про себя Гарик. – «Надо будет – в обязательном порядке – приударить за ней. А, что такого? Как говорится, наш размерчик. Вместе мы, наверняка, будем неплохо смотреться...».

² – Кустодиев Борис Михайлович – известный русский художник, на многих его картинах изображены дородные женщины.

– Катерина Андреевна, – важно представилась девица-гренадёр. – Командир волонтёрского отряда Московского Государственного Университета.

– Глеб Сергеевич, – предупредительно протянул ладошку Петров. – Будущий начальник-командир всего и вся. Позвольте вашу ручку, прекрасная мадмуазель! Почту за честь – приложиться.... О, ваша нежная кожа пахнет просто божественно! Нектар небесный, право слово! Я сражён наповал и готов стать вашим личным адъютантом.... Адъютанты не требуются? Тогда – верным пажом, преданным телохранителем, пылким любовником.... В конце концов, верным мужем и отцом ваших будущих детишек, чёрт меня побери! Со всеми потрохами, естественно.... Где ваши вещи, милая сеньорита?

– Вот, этот рюкзачок, а также чехлы со спиннингом и удочками, – заинтересованно и томно разглядывая Глеба, объявила красавица. – Только он, то есть, рюкзак, очень тяжёлый...

– Ерунда! – браво заверил Петров, впрягаясь в широкие рюкзачные лямки. – Я являюсь кандидатом в Мастера спорта по тяжёлой атлетике.... Следуйте за мной, прекраснейшая! Так вы, радость моя, любите рыбную ловлю? И я – просто обожаю! В автобусе обязательно продемонстрирую вам последнюю финскую новинку: пропер, хрюкающий – при медленной проводке – как молочный месячный поросёнок. Крупная озёрная щука от этих чудесных звуков – без ума. Бросается на приманку, практически не раздумывая...

«Во, даёт!», – мысленно восхитился Гарик. – «Курским соловьём заливается.... Только немного странно, что московская девица так быстро повелась на эту нехитрую риторику. Сдаётся, что называется, без боя. А глаза радостные такие, будто бы встретились.... С кем? С тем, с кем и ожидала встретиться...».

Глеб и Екатерина, оживлённо болтая между собой, направились к зданию вокзала. Вскоре были «разобраны» и остальные барышни. Около девятого вагона остались только Гарик и низенькая черноволосая девчонка, стриженная под мальчика.

– Меня зовут Алевтиной, – представилась девушка, вопросительно и робко поглядывая на рослого кавалера. – Можешь называть меня Алей.

– А я – Игорь Наумов. Но все величают меня Гариком, – с двухсекундной задержкой откликнулся Гарик, а про себя подумал: – «Какие у неё глаза! Огромные, небесно-голубые – как мешерские речные старицы. В таких чудных глазах утонуть – плёвое дело. Отправился на дно и не заметил этого.... На дно? Это в том смысле, что влюбился без памяти...».

– Пошли? – негромко спросила-предложила Алевтина. – А то, ведь, они в спешке уедут без нас. Катерине уже звонил какой-то сердитый местный начальник, мол: – «Автобус отходит ровно через пятнадцать минут и никого ждать не будет...».

– Пошли, – согласился Гарик, чувствуя, как его губы – непроизвольно, без разрешения – расплываются в широченной дурацкой улыбке. – Давай-ка свой рюкзак.... Ничего себе, тяжёлый! Что там у тебя? Камни, гантели, двадцать банок с говяжьей тушёной?

– Нет, всякие исторические книги, справочники, географические атласы с картами и учебники по археологии. Буду – в кратких перерывах между тушением лесных пожаров – усердно заниматься, – ответила девушка и неожиданно рассердилась: – Чего это ты, Игорь, так лыбишься? Я очень смешная и несуразная, а нос – избыточно курносый и весь усыпан рыжими веснушками?

– Ты очень красивая, – заверил Гарик неожиданно-серьёзным и тихим голосом. – И нос, и веснушки, и глаза. Очень-очень, честное слово...

– Да? Ты не шутишь? Кажется, нет.... Ладно, пошли уже, Илья Муромец! Слащавые комплименты отложим на потом.

Когда до остальных волонтёров, образовавших компактную геометрическую фигуру, гомонящую на все лады, оставалось пройти метров пятнадцать-двадцать, рядом раздался до боли знакомый женский голос:

– Игорёк, сыночек, здравствуй!

Гарик резко остановился и развернулся на девяносто градусов – из-за угла привокзального здания показались его родители.

– Чуть не опоздали, – запыхавшимся голосом сообщил отец. – С этими пожарами весь общественный транспорт ходит, как хочет, совершенно не соблюдая графики и расписания...

– Нагнись, верста коломенская! – растроганно попросила мать. – Я тебя обниму...

После завершения процедуры обмена родительскими и сыновними нежностями, мать Гарика, с одобрением посматривая на Алевтину, стоявшую рядом, укоризненно покачала головой и ожидаемо спросила-пожурила:

– Почему же ты, сынок, скрывал? Почему не говорил нам, что у тебя, наконец-таки, появилась девушка? Причём, такая симпатичная и милая? Ай-яй-яй! Нехорошо!

– Да, вот.... Как-то так..., – неожиданно для самого себя замялся Гарик. – Не успел рассказать...

– Меня Алевтиной зовут, – смущённо представилась Аля. – Я очень рада познакомиться с вами.

– А, уж, мы-то как рады! – не скрывая волнения, заверил отец Гарика. – И имя у тебя, доченька, очень красивое. Главное, что редкое. Давай-ка я тебя – по-родственному – расцелую в щёки...

«Что происходит?», – мысленно запаниковал Гарик. – «Ну, ладно я – немного растерялся. Но – Аля? Наверное, она просто не хочет расстраивать моих излишне-эмоциональных родителей. Или? Впрочем, пусть будет – как будет...».

– Ребята, нам уже пора! – громко объявил голос Саша Никоненко. – Игорь, следуем к выходу! Не отставай!

– Алевтина, автобус ждать не будет! – поддержала рослая Екатерина. – Догоняйте нас! Не отвлекайтесь на разговоры!

Гарик виновато улыбнулся и, с нежностью глядя на родителей, неуверенно пробормотал:

– Пап, мам, мы пойдём. Ребята зовут...

– Иди, идите, родные! – неуклюже смахнув с ресниц крохотную слезинку, зачастила мать. – Идите.... Алечка, как управитесь с этими пожарами, так сразу же приезжайте к нам. Обязательно приезжайте! Мы вас будем очень ждать! Присматривай, пожалуйста, там за Игорьком, не пускай его в самое пекло...

У автобуса волонтеров встретил упитанный и неповоротливый дядечка в мятом пиджаке, на лацкане которого красовался депутатский значок.

– Меня зовут Василием Васильевичем, – важно сообщил дядечка. – Областной штаб поручил мне встретить ваши отряды, сопроводить к месту постоянной дислокации, произвести подробный инструктаж по технике безопасности, обеспечить инструментом для тушения пожаров, выдать запасы продовольствия и познакомить с бригадиром.... Добро пожаловать, дорогие товарищи! То есть, господа и дамы.... Я искренне рад приветствовать на многострадальной рязанской земле представителей сознательной молодёжи Питера и Москвы! Дмитрий Анатольевич и Владимир Владимирович могут гордиться вами! Людских рук нам катастрофически не хватает..., – замолчал, явно выговорившись, и, громко высморкавшись в клетчатый носовой платок, будничным голосом предложил: – Проходите в автобус, рассаживайтесь. Вещи и удочки бросьте на заднее сиденье и на пол рядом с ним. Окна советую держать открытыми, день обещает быть очень жарким. Будет немного пыльно, зато живыми останетесь...

– Людских рук не хватает? – тихонько хмыкнув, пробормотал Глеб. – Позвольте вам, господин депутат, не поверить. Весь вокзал – под самую завязку – набит всяким сбродом: бомжи, бродяги, цыгане, карманники, панкующая молодёжь, всякие разные узбеки и молдаване, приехавшие на заработки. Загребай всех, то есть, мобилизуй. Пусть бездельники и тунеядцы поработают немного на благо русского народа...

– Нельзя так, молодой человек! – возразил Василий Васильевич, обладавший, как выяснилось, отменным слухом. – Не наш метод, как любит выражаться уважаемый Владимир Владимирович Путин. Сейчас в России наступил период либеральной демократии, поэтому любое насилие недопустимо. Всё должно происходить – сугубо на добровольных началах...

Автобус был стареньким, обшарпанным и неказистым.

– Интересно, а какой он марки? – спросила Аля, с недоверием и любопытством рассматривая непривычное транспортное средство. – В Москве таких не увидишь.

– Наверное, ПАЗик. А может, какой-нибудь ЛУАЗ, – предположил Гарик. – Одно могу сказать точно – он гораздо старше нас с тобой, – слегка стушевался и спросил, отводя глаза в сторону: – Мы же сядем вместе? В смысле, на одно сидение?

– На одно, – непонятно вздохнула девушка. – Если, конечно, ты этого хочешь всерьёз...

Мотор раритетного авто-монстра пыхтел, рычал, чихал и надсадно кашлял. Причём, делал он всё это очень громко и почти без перерывов, так что, разговаривать было практически невозможно. Впрочем, Гарику и Алевтине было и так хорошо. Они сидели, держась за руки и временами понимающе переглядываясь, на продавленном сиденье и с интересом наблюдали за пейзажами, мелькавшими за автобусными окошками. Бескрайние поля и заливные луга сменялись пыльным кустарником и ольхово-раkitовыми перелесками, переходящими в смешанные леса, заросшие густой и высокой травой. Иногда среди деревьев мелькали водные поверхности речек, ручьёв и крошечных озёр. На востоке, угрожающе покачиваясь и мелко-мелко дрожа, стояло плотное дымное марево. Волонтёры, тревожно вздыхая и морщась, старались не смотреть в ту сторону...

В автобусе было пыльно и, не смотря на опущенные стёкла окошек, нестерпимо жарко. По лицам и спинам пассажиров струился обильный пот, в носках нестерпимо чесалось, время от времени кто-нибудь принимался отчаянно чихать.

«Следует строго на юго-запад, значит, совсем скоро доедем до городка Михайлов», – подумал Гарик. – «Ничего себе такой городишко, только больно, уж, запущенный и неухоженный. А температура воздуха, судя по всему, вплотную приблизилась к сорокоградусной отметке. То есть, это она снаружи к ней приблизилась, а внутри автобуса – давно уже перевалила, создав некое подобие финской сауны...».

Зазвонил – мелодией «Владимирский централ» незабвенного Михаила Круга – чей-то мобильный телефон.

– Останови! – строго велел водителю Василий Васильевич и, поднеся к уху громоздкую чёрную трубку, пафосно известил: – Депутат Музыка слушает! Что такое? Не понял, повторите.... Да, вы с ума сошли! Безобразие, я буду жаловаться! Прессу поставлю в известность о таком потрясающем головотяпстве.... Личное указание губернатора? Ладно, вас понял.... Без вопросов. Всё выполню в лучшем виде! – зажав мобильник в карман мятого пиджака, громко объявил: – Пришло указание – срочно поменять маршрут! Вернее, разворачиваться на сто восемьдесят градусов и следовать – через Рязань – на северо-восток, в Клепиковский район. Говорят, что с воздуха обнаружено сразу несколько очагов возгораний в районе Уржинского озера. Доедем до Требухино, остановимся, перекусим и закупим продовольствия на несколько суток. На такой экстренный случай у меня с собой имеется полторы тысячи казённых рублей.

– Полторы тысячи – на восемнадцать человек? – возмутился Глеб, откровенно красуясь перед Екатериной. – Мы, что же, будем тушить лесные пожары, находясь в полуголодном состоянии? Потрясающее разгильдяйство и бесхозяйственность! Даже к встрече столичных волонтёров вы не удосужились подготовиться достойно! Чёрт знает, что такое...

– Отставить гнилой базар! Молчать! – неожиданно – голосом матёрого прапорщика – гаркнул народный избранник. – Выступать они ещё будут, молокососы городские.... Вы, что, на модный курорт приехали? Рыбку собрались половить? Разносолов захотели? Омаров и жулье-

нов вам подавай на завтрак? А на обед – шашлык из седла молодого барашка и по бутылочке сухого красного винца на брата? Ничего, и перловка с «Бычками в томате» – вещь очень калорийная. Любимое блюдо местных пожарных и лесников... Здесь, орлы и орлицы столичные, всё очень и очень серьёзно! Отдельные сбои в повседневном рабочем процессе? Не буду спорить, наблюдаются. Кто нынче без греха? Даже у МЧС всеильного Шойгу имеют место быть...э-э-э, некоторые шероховатости... Объявляю десятиминутный перерыв! Перекуривайте, писайте. Мальчики – направо, девочки, соответственно, налево...

Глава вторая

На берегу тихой реки

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, автобус оглушительно чихнул и тронулся в обратный путь. Через сорок-пятьдесят минут за окошками вновь замелькали улицы и проспекты Рязани.

– Вон в той, ничем непримечательной и облезлой пятиэтажке я и провёл детство-юность, – громко, сквозь ленивое рычание старенького автобусного мотора, сообщил Гарик, слегка приобнимая (мол, из-за сильной тряски) Алевтину за худенькие плечи. – Наша квартира расположена на третьем этаже. Видишь, светло-голубые занавески на окнах?

– Вижу! – не отстраняясь, ответила Аля. – Очень приятный цвет...

Миновав город, автобус, надсадно пыхтя и утробно икая, выехал на мост через Оку.

– Какая широкая! – удивилась Алевтина. – Пожалуй, будет даже пошире, чем наша Москва-река.

– А какие в Оке ловятся язи и голавли! Это – что-то! Конечно, желательно отплыть от Рязани – вверх или вниз по течению реки – километров на двадцать-тридцать.... Ты как, кстати, относишься к рыбалке? К летней? К зимней?

– Я обязательно научусь! – засмуцавшись, пообещала девушка. – Если тебе нравится это занятие, то и я его – непременно – полюблю...

Ближе к обеденному времени автобус, испустив жалобный стон, остановился в посёлке Требухино.

– Стоянка продлится минут сорок, – оповестил Василий Васильевич. – Здесь имеется парочка приличных кафешек и неплохая чебуречная. Командиры же отрядов составят мне компанию – будем закупать продовольствие. Пусть подчинённые приобретут на вашу долю всяких пирожков и бубликов. Ничего не поделаешь, такова суровая командирская доля.... Деньги на обед? Побойтесь Бога, уважаемые добровольцы! Вы же – по местам вербовки – уже получали суточные? Вот, и тратьте.... Деньги, как всем хорошо известно, для того и существуют, чтобы их тратить. Даже наш Владимир Владимирович регулярно вещает с телеэкрана, мол: – «В текущем году мы истратим – по данной статье государственного бюджета – на тридцать пять процентов больше, чем в году предыдущем...».... Что там ещё? Какие возникли проблемы?

– Дорогой и уважаемый товарищ депутат! – раздался проникновенный голос Глеба. – А можно, я тоже приму участие в продовольственной компании?

– Зачем это?

– Видите ли, я только что назначен отрядным поваром. Так что, сами, наверное, понимаете.

– Ну-ну, повар он..., – подозрительно и недоверчиво прищурился Василий Васильевич. – Шустёр ты, чёрнявый. Ох, и шустёр! От таких кадров, как мне подсказывает долгий жизненный опыт, морока одна да ранний кровавый геморрой. Ладно, так и быть, принимай участие, худорба...

Большинство волонтёров решили посетить местную чебуречную, благо автобус остановился всего в десяти-двенадцати метрах от её бетонного крылечка. А Гарик и Аля, не сговариваясь и взявшись за руки, отправились на ознакомительную прогулку по центральной поселковой улице.

Рядом с двухэтажной длинной избой, над входной дверью которой красовалась цветная табличка – «Кафе «Подкова», внутри имеется мощный вентилятор» – стояли-отдыхали две ядовито-красные пожарные машины.

– Вот, мы здесь не одни! И пожарные команды подтянулись, – обрадовалась Гарик. – Следовательно, и Власти не дремлют – вопреки общественному мнению. Зайдём?

Внутренний интерьер кафешки полностью соответствовал её названию, то есть, все стены и простенки заведения были густо завешаны разномастными – большими и маленькими – подковами.

– Красота-то какая, Игорёк! – восхитилась Аля. – Сколько же их здесь? Наверняка, больше двух-трёх сотен...

– Девонька ласковая, а ты за наш столик присаживайся, – предложил чей-то масляный и, определённо, пьяненький голос. – Вместе и посчитаем: у кого – что – имеется в наличии. Сосочки там всякие, другие – насквозь торчащие предметы... Хи-хи-хи! Присаживайся, молодка, не пожалеешь...

Гарик резко обернулся. За угловым просторным столом расположилась бравая пятёрка по пояс обнажённых мужичков. Столешница была плотно заставлена тарелками, блюдечками, стаканами и пивными банками, уважительно обступившими литровую – на две трети пустую – водочную бутылку, украшенную портретом Владимира Вольфовича Жириновского.

– Как я понимаю, доблестная пожарная охрана слегка расслабляется, отдыхая от трудов праведных? – мрачно, гоняя по скулам каменные желваки, поинтересовался Гарик. – Это, ведь, ваши машины припаркованы возле крыльца?

– Наши, паренёк, наши, – душевно заверил рыжеусый верзила. – И про доблесть пожарную ты, земля, насквозь прав. Сразу видно, что наш человек, типа – с правильными понятиями... Так как, девицей-то поделишься с братвой усталой? Стройная такая девочка, шустрая и вертлявая. Этакие крали, они на многое способны... С близкими, родной, делиться надо! Чтобы всё было по-божески, так сказать, по справедливости демократической... Гы-гы-гы!

Дождавшись, когда дружный и сальный гогот стихнет, Гарик вразвалочку подошёл к одной из стен кабачка и стал поочерёдно снимать с неё подковы. Снимал, одним-двумя движениями разгибал-разрывал на две половинки и отбрасывал их в разные стороны. Снимал, разрывал и отбрасывал – причём, так отбрасывал, чтобы половина (как минимум!) кусков железа летела в сторону загулявших пожарных.

– Ой, блин! Прекращай! Больно же! Ой! – раздалась дружные и болезненные вскрики-вопли.

Наконец, оставив подковы в покое, Гарик правой ладонью ловко подхватил тяжёлый дубовый табурет и, высоко подняв его над головой, вежливо предложил – скучающе-серым голосом:

– Даю вам ровно две с половиной минуты. Оставили на столе деньги. Встали и вышли вон. Расселись по машинам, завели моторы и уехали. Поймаю – убью. Время пошло...

– Уходим, Ржавый! Быстрее! – испуганно всхрапнул-выдохнул один из мужичков. – Уходим! У него же глаза – совершенно-белые! Такой убьёт, и не поморщится...

Уже через полторы минуты громко хлопнула входная дверь, вскоре донёсся шум спешно отъезжавших пожарных машин.

– А ты, оказывается, бешеный, – задумчиво подытожила Алевтина. – То бишь, без внутреннего ограничителя-якоря...

– Есть такое дело, не спорю, – согласился Гарик и тут же, спохватившись, уточнил: – Это со мной очень редко случается, только когда сталкиваюсь с откровенным свинством и скотством. А так-то я совершенно нормальный. То есть, спокойный, сонный и немного медлительный... Верить?

– Верю, конечно же, – по-доброму улыбнулась девушка. – Кстати, а почему ты дал этим полупьяным уродам именно две с половиной минуты?

– За две, бедолаги, могли и не успеть... Кушать-то будем? Присаживайся за этот столик. Я же пойду – сделаю заказ. Хозяйева забегаюлки – после недавнего инцидента с подковами и

табуреткой – наверняка, попрятались по чуланам и подсобкам. Были уже, знаешь ли, аналогичные прецеденты...

Вскоре он вернулся с двумя большими тарелками в руках и, поставив их на стол, сообщил:

– У нас очень туго со временем, поэтому я не стал особо привередничать. Две свиные отбивные, а на гарнир – жареная картошка и салат из помидоров-огурцов со сметаной. Как оно тебе?

– Пойдёт! – одобрила Аля. – И порции – в самый раз. Я, хоть, мелкая и худая, но покушать люблю. Тем более – отбивная.... А где какие-нибудь напитки? Сок, например?

– Сейчас всё будет, не беспокойся. Принесут, куда не денутся...

Появился хозяин заведения – сутулый и болезненный тип. Насторожённо косясь на посетителей, выставил на столешницу – рядом с тарелками – фужеры, четыре пивные бутылки и пузатый двухлитровый кувшин с апельсиновым соком.

– А ты, случайно, не хронический алкоголик? – сделав «большие» глаза, с наигранным испугом поинтересовалась Аля. – Два литра пива за обедом – не много ли будет?

– Я крепкие алкогольные напитки – водка там, коньяк, виски, текила – терпеть не могу, – принялся оправдываться Гарик. – А, вот, пиво.... Извини.... Напиток Богов, образно выражаясь. Люблю, грешен. Не могу удержаться. Особенно – под футбол, когда наш питерский «Зенит» играет с кем-нибудь.... А ты совсем пива не пьёшь? А за какую футбольную команду болеешь? Часом, не за московский ли «Спартак»?

– Похоже, что «Спартак» – причём, любой – навсегда остался в призрачном и сером прошлом. Теперь лишь «Зенит» – команда моей завтрашней мечты.... Пиво? Ладно, и мне налей. Судя по всему, теперь это и мой любимый напиток. Хотя, ещё не пробовала его – ни разу в жизни.

В самый разгар трапезы девушка неожиданно загрустила-задумалась.

– Что-то случилось? – забеспокоился Гарик. – Картошка пересолённая? Или же пиво не нравится? Давай, допью...

– Нравится! – мягко улыбнулась Аля. – И картошка отменная, и отбивная отличная, и пиво. Просто.... Понимаешь, у меня есть одна...м-м-м, безобидная особенность. Подмечаю всякие странности и нелогичности, а потом упорно и настойчиво пытаюсь их – самой себе – объяснить. Мол, почему, зачем и как...

– То есть, любишь разгадывать всякие загадки, ребусы, шарады и кроссворды?

– Можно и так трактовать, не ошибёшься.

– И над чем ты сейчас ломаешь голову? Что показалось странным?

– Да, как сказать...

– Говори, как есть, – посоветовал Гарик. – Я постараюсь понять и, чем смогу, помочь в разгадке.

– Во-первых, ваш Глеб и наша Катя.... Мне показалось – по их глазам и отдельным фразам – что они уже давно знакомы. Но почему-то упорно притворяются, что увидели друг друга – на рязанском перроне – в первый раз. Зачем, спрашивается?

– Знаешь, я тоже почувствовал что-то этакое.... Глеб, кстати, родился в какой-то крохотной поволжской деревушке. А Екатерина, наверное, судя по общему впечатлению, коренная москвичка?

– В том-то и дело, что и она родом с Поволжья! – оживилась Аля. – Может, они земляки? Родом из соседних деревень? Учились в одной школе? Но зачем же это скрывать? Не вижу никакого смысла...

– Не скажи, – важно и многозначительно усмехнулся Гарик. – Вполне возможно, что тут замешаны дела сердечные.... Например, имела место быть безумная школьная любовь. Потом наши голубки – по классической схеме – поссорились в дым и, порвав все отношения, разве-

хались по разным городам и весям. Но в глубине души – у каждого из них – жила надежда на примирение. И, вдруг, такая судьбоносная встреча.... Глеб, похоже, что-то такое предчувствовал. Или же знал наверняка. Он у нас, понимаешь, очень невозмутимый и спокойный, ничем толком его не пронять. Все ехидные подколы – как с гуся вода. А тут Саша Никоненко отпустил совершенно безобидную шутку, но связанную с прибывающим московским поездом, а Глеб неожиданно занервничал и – даже – попытался обидеться.... Так, что у нас – во-вторых?

– Во-вторых, мне не нравится депутат Василий Васильевич...

– А кому нравятся российские депутаты? Назови!

– Ты меня не так понял, – вновь улыбнулась Аля. – Какой-то он ненастоящий и показушный.... Создаётся устойчивое впечатление, что мы имеем дело с очень плохим актёром. Ну, не удалось ему успешно войти в образ, обозначенный в сценарии. Бывает.... Ладно, проехали. Кушай, пока мясо с картошкой окончательно не остыли.

Перекусив, они расплатились и, беззаботно болтая о всякой всячине, направились к автобусу. На полдороги им навстречу попался растрёпанный и потный депутат Василий Васильевич – с мятым пиджаком, переброшенным через левое плечо.

– Не видали, ребятки, часом, где припарковались две красные пожарные машины? – спросил, с трудом переводя дыхание, представитель рязанского депутатского корпуса. – Нигде не могу найти...

– Видали, – созналась честная Алевтина. – Они стояли-отдыхали возле «Подковы», а потом неожиданно завелись и очень быстро уехали, – махнула рукой вдоль дороги. – Наверное, получили соответствующую команду – от очень авторитетного сюзерена, облачённого нешуточной властью. Причём, от сюзерена – с весьма и однозначно-яркой харизмой...

– Чёрт знает что! – от души возмутился Василий Васильевич. – Они должны были следовать вместе с нами, на опорную точку.... Бардак сплошной и безалаберный! Безобразие форменное! Я этого так не оставлю!

– Так, позвоните им, – посоветовал слегка смущённый Гарик. – Разъясните, куда надо ехать. Может, послушаются и вернуться.

– Умный какой! Казённых мобильных телефонов рядовым пожарным не полагается. У меня же, наоборот, рация отсутствует. Да и условных волн-позывных я не знаю.... Ладно, поехали на точку. Вам же ещё к ночёвке надо готовиться. А с исчезнувшими машинами я потом разберусь. Пока, ведь, не горит...

«Пожалуй, он, действительно, слегка переигрывает», – мысленно отметил Гарик. – «Аля, безусловно, права.... И, что из того? Пока, собственно, ничего. Но есть стойкое ощущение – неправомерности происходящего....».

Народ – под руководством Глеба – занимался погрузкой в автобус разнокалиберных картонных коробок.

– Как дела? – подойдя, поинтересовался у приятеля Гарик.

– Дела? Вроде, нормально. Даже, более чем.... С Катериной, определённо, всё сладится.... Ты спрашиваешь про продовольствие? А что, по-твоему, можно закупить на две тысячи рублей? Полторы тысячи – депутатских, ещё пятьсот рублей добавил – от щедрот аспирантских – Саша Никоненко. Макароны, рис, тушёнка, рыбные консервы, обычная и блинная мука, подсолнечное масло, сгущёнка, чай. А, вот, сахара в магазине не оказалось.... Василий Васильевич говорит, что там, где мы встанем стационарным лагерем, холодильники отсутствуют – как класс. Так что, о свежем мясе, сливочном масле, шоколадных конфетах, да и о пирожных с заварным кремом придётся на время забыть...

Когда волонтеры расселись по местам, Василий Васильевич – голосом матёрого и строгого прокурора – скомандовал водителю:

– Едем до деревни Ласково, потом сворачиваем на Деулино. Примерно через пятнадцать километров останавливаемся.

- Это около заброшенного хутора? – уточнил шофёр.
- Ага, рядом с мостом через безымянную речку...

В шестнадцать тридцать автобус, над капотом которого поднимались белёсые струйки пара, остановился около двух старых, слегка покосившихся изб-пятистенков.

– Вылезайте, господа и дамы! – радушно предложил Василий Васильевич. – Выгрузайте ваши вещички, удочки и коробки с продовольствием... Торопимся, торопимся, молодые люди! Молодцы... Ага, вон, как раз, и Кузьмич-пасечник идёт. Он тоже – идейный и сознательный волонтер. Будет у вас за бригадира.

Вокруг было очень тихо, только негромко шелестели-перекатывались по мелким камушкам тёмные речные воды. Жара по-прежнему не спадала. А по высокому берегу неторопливо вышагивал...

– Антон Павлович Чехов – собственной персоной, – потерянно пробормотала Алевтина. – Бородка, пенсне, старомодная шляпа, тросточка, общий облик... Только одет в какую-то длинную серую хламиду, перетянутую широким армейским ремнём, из-под которой – при активной ходьбе – высовываются грязнущие босые ноги.

– Всех благ, уважаемые студенты, студентки и аспиранты! – неожиданно заторопился Василий Васильевич. – Мне уже пора, завтра утром в Рязани состоится важное совещание. Сам господин губернатор будет озвучивать планы на ближайшее, весьма пожароопасное время... Устраивайтесь, обживайтесь, завтра я вам обязательно позвоню. Если связь – из-за аномальной жары – будет барахлить, то я свяжусь с Кузьмичём, у него имеется старенький коротковолновый приёмник-передатчик... Эх, не успел рассказать вам о правилах безопасности, которые необходимо соблюдать при тушении лесных пожаров! Ничего, с этим важным делом мы разберёмся в следующий раз, – залез в автобус и велел водителю: – Трогай, Ваня! Какая ещё вода – в радиатор? Зальёшь через два с половиной километра, у следующего ручья... Поехали!

«Чехов», выбравшись на горбатый мостик, печально посмотрел вслед удалявшемуся автобусу, после чего обернулся к вновьприбывшим и, рассеянно поправив старомодное пенсне, уточнил:

- Получается, опять Василич удрал, а?
- Судя по всему, удрал, – откликнулся разговорчивый Глеб. – А он, что же, прячется-скрывается от вас?
- Похоже, что прячется... Молодёжь, что вы привезли с собой?
- Тушёнку, подсолнечное масло, обычную и блинную муку...
- Я спрашивал не про продовольствие. А где обещанные помпы – ручная и с электрическим приводом? А где шанцевый инструмент?
- Чего нет, того нет. Извините...
- Куда подевались две пожарные машины? Потерялись-заблудились по дороге? Вместе с профессиональными, хорошо-обученными пожарными?
- Хрен его знает, – честно признался Гарик. – Наверное, пьянствуют где-то. В смысле, их людской контингент. Те ещё ухари.
- Тьфу! – смачно сплюнул Кузьмич. – И зачем вы сюда, молодые люди, приехали? Если, конечно, не секрет?
- Как это – зачем? – удивился Саша Никоненко. – Чтобы старательно и планомерно тушить лесные пожары! То бишь, вносить в героический процесс свой скромный вклад...
- А чем тушить-то собираетесь? Ась? – скорчил ехидную гримасу пасечник-бригадир. – Почему не слышу ответа? У меня в наличии имеется: четыре ранца-пшикалки, три топора, две лопаты и одна двуручная пила. Больше нет ничего, не обессудьте, любезные...

– Как же так? – опешила Екатерина. – Я же ещё в июне месяце предлагала по телефону, мол: – «Давайте, мы из Москвы приедем на собственном автотранспорте, захватив всё необходимое оборудование – шведские помпы, бензопилы, прочее всякое...». Ерунда ерундовая...

– И что вам, милая девушка, ответили?

– То и ответили, мол: – «Ничего не надо, у нас всё есть. Приезжайте поездом, встретим, всем необходимым обеспечим на месте. Главное – людские ресурсы...». Как это прикажете понимать?

– Кто же наших креативных начальников поймёт? – надменно и презрительно поморщился Кузьмич. – У них же, родных, семь пятниц на неделе. Бывает, и все восемь... Вполне возможно, что на тот конкретный момент губернатором Рязанской области был отдан негласный приказ, мол: – «Дармовое оборудование, технику и инструменты не принимать! Мы сейчас деньги выбиваем из Кремля. Узнают, не дай Бог, что область регулярно получает техническую помощь, враз урежут финансовую составляющую. Вот, когда мы денежку – в полном объёме – получим и определим её по назначению, тогда и собирайте, крохоборы, с миру по нитке...». Хотя, можно сделать и более приземлённое предположение. Вы, мадмуазель, с самого раннего утра беседовали по телефонной связи с тем чиновником? Тогда всё сходится... Скорее всего, сей государственный муж был со страшного бодуна. С похмелья представители российской бизнес-политической элиты все ужасно гордые из себя – и за всю страну в целом, и за родимый край в частности... Никчемные людишки, доложу я вам. Пустые и жадные. Красивых слов много, реальных дел, как правило, ноль. Зато разворовывать бюджетные деньги – большие и непревзойденные мастера. Наворовали, и сразу же на высокую трибуну – рассказывать о последних демократических достижениях и завоеваниях. Это они так, видимо, грехи по-современному замаливают... Чем больше чиновник-депутат рассказывает о своей трепетной любви к Родине, тем больше он наворовал. Очень верный тест. Меня иногда даже посещает лёгкая ностальгия – по сталинским кровавым временам... Вот, к примеру, позавчера я был в деревне Ужищево. Так, тамошние нищие мужики, понимая, что до Власти не достучаться, скинулись последними копейками и – за свой счёт – купили пожарную помпу. Поможет им это отстоять деревню? Сомневаюсь... Может, хватит лирики на сегодня? Давайте-ка, молодёжь, займёмся реальными делами. Пойдёмте, я наглядно продемонстрирую – ваши шикарные апартаменты...

Рядом с бревенчатыми пятистенками располагались – летняя кухонька, полуразвалившаяся баня, покосившийся треугольник погребца и древний журавль-колодец.

– Избы ещё крепкие, – бригадир одобрительно похлопал мозолистой ладонью по тёмно-серому венцу. – Крыши немного протекают, но дождей сейчас нет. А когда начнутся, то вы сразу же и разъедитесь по домам. То есть, по надёжным и тёплым городским квартирам... Стёкла, говорите, местами побиты? И, что из того? Сейчас даже ночью температура окружающего воздуха ниже двадцати восьми градусов не опускается. Да и комары с мухами все перелодили... Посуда и вилки с ложками? Что найдёте в избах – всё ваше... Обживайтесь, молодцы и девицы, а я пошёл. Как это – куда? На пасеку, конечно же. Вон они – пчелиные ульи, рядом с УАЗиком. А чуть дальше – у старенькой запруды – и палатка стоит. Пасека-то моя передвижная, а сам я, как это и ни странно звучит, коренной москвич. Просто, люблю эти места. Природа здесь очень красивая. А воздух – на удивление вкусный и умиротворяющий. Если срочно понадобится, то быстро найдёте...

– Постойте! – возмутился Никоненко. – Я так и не понял – а когда мы займёмся тушением лесных пожаров?

– В двух случаях, – невозмутимо ответил Кузьмич. – Во-первых, если пожар вспыхнет – это мы определим визуально – вблизи ближайших деревень. Либо около Ласково, – махнул рукой направо. – Либо около Деулино, – указал налево. – Так что, изредка посматривайте в тех направлениях. Если лес загорится по-серьёзному, то увидите сразу. Да и гарью пахнет...

– А, во-вторых?

– Если поступит однозначный приказ от высокого начальства. Мол, срочно следовать туда-то, делать то-то... Что ещё? Про пруд интересуетесь? Имеется в нём достойная рыбёха, имеется. И удочки настраивайте, и спиннинг. Может, и повезёт...

Глеб, поразмышляв с минутку, предложил:

– Не попробовать ли, братья и сёстры, наваристой и калорийной ушицы? А? Жирная тушёнка с макаронами нам всем ещё успеет надоесть – до противных желудочных колик и лёгкого гастрита... Опять же, продовольственные запасы следует рачительно беречь и экономить. Уважаемый Василий Васильевич, конечно же, клятвенно обещал, что скоро нам – в обязательном порядке – подбросят всякого и разного. Только, вот, когда оно наступит, это вождеденное – «скоро»? Через трое суток, через неделю, через две? А если, действительно, полыхнут серьёзные лесные пожары? Тогда, скорее всего, о нас окончательно позабудут...

– Полностью согласна с бойцом Петровым. Очень разумные и приземлённые рассуждения, – объявила Екатерина. – До заката остаётся ещё целая куча времени. Поэтому, сейчас я оперативно сформирую дельную рыболовецкую команду-бригаду. Саша! – обратилась к Николенко. – Не в службу, а в дружбу! Пока мы будем заняты промыслом, вы тут тоже – времени не теряйте даром. Печку растопите в летней кухне. Чистой воды – вдоволь и с запасом – наберите из колодца. Разберитесь с посудой...

В рыболовную команду – абсолютно прогнозируемо – вошли: Екатерина, Глеб, Гарик и Аля.

– Предлагаю – выдвигаться к пруду по противоположному берегу, – предложил Глеб. – Ну, её, эту пасеку... Я читал, что пчёлы очень пугливые создания и крайне не любят непрошенных гостей. Барышни шагают налегке, а мы с Гариком тащим чехлы с удочками, спиннингами и подсачниками, а также наплечные сумки-планшеты со снастями и прочими полезными причиндалами...

По чуть подрагивающим, подозрительно-серым доскам моста они осторожно перешли через безымянную речку и двинулись вниз по её течению, вдоль обрывистого берега. Девчонки – по случаю безжалостной и жестокой жары – раздевшиеся до купальников, шли впереди. Так что, Гарику и Глебу оставалось только одно – с интересом созерцать завлекательно-эротические картинки и, ведя для пущей конспирации заумные философские беседы, глупо перемигиваться.

Вскоре впереди показалась старенькая деревянная запруда.

– Идём, никуда не торопясь, берегом пруда и старательно высматриваем подходящее место для рыбалки на поплавочную удочку, – распорядилась Екатерина. – Кстати, вон удобное местечко – симпатичная полянка, большие окошки между зарослями белых и розовых кувшинок, высоких деревьев поблизости нет. Значит – при забросах – не будет глупых зацепов за ветки. Здесь имеется и нечто – похожее на скамейки... Что-то это мне смутно напоминает...

Примерно в метре от уреза воды в береговой грунт были врыты – своими концами – две неровные дуги бело-жёлтого «пластика».

– Очень удобные и перспективные – с точки зрения рыбалки на поплавочную удочку – места, – одобрил Глеб. – Возле берега из воды торчат свежие рогатки-держалки для удочек. Садись на такую дугу и рыбачишь – в своё удовольствие. Даже с определённым комфортом...

– Не может такого быть! – зачарованно выдохнула Аля, плавно опускаясь на колени возле одной из дуг. – Это же... Это же бивни мамонта! Невероятно! Бивни мамонта – в Рязанской области?

– А ты, часом, не ошибаешься? – засомневался Гарик. – Пластик, не пластик...

– Я же будущий археолог! Причём, круглая отличница...

– Это, братцы, действительно, бивни мамонта, – невозмутимо подтвердила Екатерина. – Жаль, что фотоаппарат остался в рюкзаке. Ничего, завтра вернёмся, всё тщательно задокументируем и сделаем – соблюдая все технологические требования – спилы.

– Из-за чего поднялся такой нездоровый ажиотаж? – вмешался в дискуссию Глеб. – Ну, бивни... Ну, мамонта... Подумаешь, удивили! Каждый уважающий себя музей может похвастаться аналогичными штуковинами... Никто и никогда не находил бивни мамонта в Рязанской области? Что из того? Всё когда-то – с философской точки зрения – происходит в первый раз. Девушкам ли не знать про эту простейшую сентенцию? В смысле, бывшим девушкам... Так мы сегодня будем рыбачить, или как? Весь вечер глазки друг другу будем строить? Предлагаю разделить на два боеспособных подразделения. Первое, куда входят наиболее опытные и идейные рыбаки – а это мы с Катей – занимается спиннингами, оснащёнными блёснами, попперами и воблерами... Остальные же индивидуумы добывают рыбу с помощью грубых и тривиальных поплавочных удочек. Надеюсь, возражений не последует?

– А где мы возьмём дождевых червей? – спросила Алевтина, продолжая нежно поглаживать ладошками дугу бивня мамонта. – Я где-то читала, что рыбу ловят на червяков. Причём, на дождевых... А дождей-то и не было. Как теперь быть?

– Сейчас это не актуально, – важно пояснила Катя, роясь в одном из планшетов. – Вот, вам наживка. В этом тюбике содержится искусственный опарыш, в этом – искусственный мотыль. Новейшее французское изобретение. Просто выдавливаете на рыболовный крючок, торцом тюбика обрезаете лишнее, и все дела, собственно. Можно рыбачить.

– Разберёмся, – пообещал Гарик. – Чай, не в первый раз на рыбалке...

Глеб и Екатерина, громко хрустя прибрежной вялой осокой, ушли вдоль берега пруда. Гарик – первым делом – свинтил разборный подсачник, после чего настроил – для Алевтины – классическую поплавочную удочку и приступил к подробным объяснениям:

– Сперва мы должны правильно разобраться с глубиной. Сдвигаем поплавок наверх и забрасываем снасть... Видишь, поплавок плашмя лежит на воде? Значит, мормышка (это такая маленькая блестящая «капелька», к которой припаян стальной крючок), достигла дна. Вытаскиваем, передвигаем поплавок ниже, снова забрасываем...

– Ничего не изменилось, – сообщила Аля.

– Правильно! Значит, мормышка снова опустилась на дно. Естественно, повторяем операцию... Ага, теперь поплавок занял нужное положение. Видишь? То есть, теперь мормышка висит в пяти-восьми сантиметрах над дном. То, что старенький доктор прописал в своём подробном рецепте... Теперь отвинчиваем с французского тюбика пробочку, вытаскиваем снасть из воды и аккуратно выдавливаем на острый крючок искусственного мотыля... Правда, красиво получилось? Типа – сам бы ел, да мама не велит... Сверху добавляем искусственного опарыша... Забрасываем, бережно кладём удилице на рогатку, садимся на бивень мамонта и внимательно смотрим на поплавок...

– А, что дальше?

– Как только поплавок полностью погрузится под воду – надо подсечь. То бишь, дёрнуть за удилице. Только это надо сделать очень плавно и коротко, иначе крючок мормышки разорвёт нежные рыбы губы, и добыча сбежит... Надеюсь, всё понятно?

– Более или менее... Поплавок вижу, наблюдаю за его местоположением...

Гарик отошёл в сторону и занялся настройкой второй удочки.

«Может, девица ждёт совсем другого?», – проснулся внутренний голос, впавший в спячку ещё с самого начала летне-весенней сессии. – «Например, наглых приставаний, сопровождающихся активной ручной работой? Мол, надо срочно, забыв про все классические философские каноны, залезть ей под юбку? Современные барышни, как утверждают телевизионные сериалы и реалити-шоу, все ужасно развратны и сексуально раскрепощены. А ты, братец, как и всегда, впрочем, валяешь откровенного дурака... Какая ещё удочка – в одно тёплое место?

Немедленно отбросил в сторону! Отбросил и пошёл! Как это – куда? Заниматься серьёзными мужскими делами! Ну, кому сказано? Выполнять! Так тебя растак...».

Неожиданно сзади раздался громкий всплеск, сопровождаемый восторженным девичьим визгом. Гарик аккуратно положил коробочку с мормышками на горбатую кочку, поросшую густым светло-зелёным мхом, и со всех ног бросился к берегу.

Пластиковое удилище в девичьих руках выгнулось крутой дугой, а по тёмным водам пруда активно передвигался туда-сюда приличный – по своим размерам – бурун.

– Теперь медленно подводи рыбину к берегу! – велел Гарик, берясь за древко подсачника. – Плавнее, без рывков! Плавнее! Кому я сказал? Не пускай её к кувшинкам! Леска запутается, зацепившись о стебли... Тяни влево! Тяни! Молодец! Продолжай...

Минуты через три-четыре добыча отчаянно затрепыхалась в сетке подсачника.

– К-кто этой такой? – дрожащим голосом спросила Аля. – Большой такой, сильный... К-как его зовут?

– Серебристый карась, – улыбнулся Гарик. – Причём, очень даже приличный. Потянет грамм на восемьсот-девятьсот. Поздравляю с первой рыбиной, голубоглазая добытчица! Да, ещё с какой... Ты – настоящее чудо!

– А что, были какие-то сомнения?

– Нет, абсолютно никаких. С первого же взгляда...

Рыбалка продолжалась. За неполный час они – совместными усилиями – поймали ещё трёх приличных карасей, одного подлещика и с десяток двухсотграммовых окушков.

– Да, ловля рыбы – отличное дело! – оповестила Аля. – Сродни спорту. Теперь всегда буду составлять тебе компанию.

– Всегда?

– Если ты не будешь возражать. Ещё, конечно, нам при этом надо жить и учиться в одном и том же городе... Правильно я говорю? А сейчас присмотри, пожалуйста, за моей удочкой! Я отойду – по техническим причинам – на пару-тройку минут. А ещё Катя говорила, что в этом районе Мещерского края встречаются древние, жутко-загадочные пещеры...

Прошло три минуты, пять, семь, десять, пятнадцать. Гарик начал уже волноваться и мысленно сомневаться: – «Идти на поиски, или же стоит немного подождать? Можно, ведь, ненадолго – это самое... Типа – смутить бедную девушку, застав за устранением этих самых технических причин...».

Наконец, раздался шорох раздвигаемой травы, и на поляне появилась Алевтина. Её глаза горели нешуточным азартом, а пушистые ресницы возбуждённо трепетали.

– Игорёк я там обнаружила..., – запнулась на секунду. – Много, чего интересного...

– А можно – чуть поподробней?

– Можно... Во-первых, на дне крохотного ручейка я нашла ещё несколько бивней мамонтов, торчащих из земли. Во-вторых, я видела скалу, на поверхности которой выбиты петроглифы...

– Прости, что выбито?

– Ну, выгравированные на каменной поверхности рисунки древнего человека. Ты, наверняка, слышал про них. Всякие там олени и мамонты, охотничьи и бытовые сценки... У нас в России петроглифы часто встречаются в Карелии и на Кольском полуострове, гораздо реже – в Архангельской области, в Туве и на Алтае... Но – в Рязанской области? Это просто невероятно! Редкостная удача! Прямо завтра можно садиться за написание кандидатской диссертации! Конечно, первым делом надо всё тщательно сфотографировать с разных ракурсов, сделать подробные зарисовки...

– А что – «в-третьих»?

– Под скалой с петроглифами расположен вход в пещеру.... Игорёк, пожалуйста, давай залезем туда! Осмотрим всё хорошенько! Я же видела, что в твоём планшете имеется карманный фонарик...

Глава третья

Странная пещера и верховой пожар

Безжалостно-жаркое солнце лениво зависло рядом с линией горизонта. Возле входа в пещеру – неровной дырой приличных размеров, в которую запросто мог въехать гружёный «Камаз» – обнаружилось кострище диаметром больше метра.

– Совсем свежие угли, – присаживаясь на корточки, кисло и недоверчиво усмехнулся Гарик. – Тут недавно побывали отнюдь не древние люди. Вон и многочисленные водочные бутылки – вперемешку с мятыми пивными банками – сложены горкой. Да и прочего мусора хватает – целлофановые обёртки, обрывки картонных коробок, обгоревшие кроссовки...

– Это ещё ничего не значит! – горячо заверила Алевтина. – Наши российские туристы, конечно же, являются натуральными свиньями и законченными вандалами, но уничтожить абсолютно все следы древней цивилизации – даже им не по силам. Что-нибудь интересное – в историческом и археологическом плане – мы обязательно обнаружим. Например, настенные рисунки.... Доставай фонарик!

– А где твои хваленые петроглифы?

– Вон же, на скале! Видишь? Это – благородный олень убегает от стаи волков. А это – мамонт.

– На мамонте восседает человек? – засомневался Гарик. – Странно как-то. Никогда не слышал о таком казусе.... Может, эти петроглифы выбили наши туристы-юмористы? Пьяные в хлам, понятное дело. Или же обкурившиеся среднеазиатской анашой. А ещё говорят, что в некоторых лесах средней полосы растут галлюциногенные грибы...

– Не знаю, Игорёк, честное слово. Придётся проводить дополнительную экспертизу, не без этого.... Может, хватит уже языками трепать попусту? А ты, часом, не боишься?

– Чего, собственно?

– Лезть в тёмную и загадочную пещеру? Отдавай тогда мне фонарик! Справлюсь и без твоей помощи.

– Я же могу и обидеться...

– И, что дальше? – насмешливо прищурилась девушка. – Развернёшься и уйдёшь? Типа – чистить рыбу и варить тройную уху?

– Отнюдь, дорогая графиня! – глупо хмыкнул Гарик. – Просто грубо сгребу вас в охапку и поцелую. Типа – жадно вопьюсь своими обветренными губами в ваши нежные и трепетные уста...

– Что же тебе, увальню белобрысому, мешает это сделать? Может быть, разница в росте? По такому случаю я могу забраться.... Ну, вот, хотя бы на этот камушек. Подсади, пожалуйста! Спасибо...

Прошла минута, вторая, третья...

– Может, всё же, посмотрим пещеру? – неохотно отстраняясь, спросила Алевтина. – Совсем скоро наступит вечер. За ним придёт чёрная ночь...

– Как скажешь, моё нежное сердечко, – взволнованно пробормотал Гарик. – Как скажешь.... Кстати, чувствуешь – из пещеры дует ветерок? Вентиляция, однако...

Внутреннее убранство пещеры впечатляло – шершавые стены, покрытые серо-голубой плесенью и густой паутиной, сводчатый потолок, каменный пол, местами выстланный мхами и лишайниками, единичные сталактиты и сталагмиты.

Раздался тихий шорох, и над их головами – в скупых отблесках карманного фонарика – промелькнула призрачно-серая тень.

– Что это такое? – испуганно отшатнулась в сторону Аля. – Холодком повеяло...

– Обыкновенная летучая мышь, – крепко обнимая девушку, пояснил Гарик. – Ничего страшного. А ветерок-то продолжает дуть.

– Не слишком ли много воли, благородный сударь, вы даёте своим похотливым ладошкам?

– В меру, сударыня. В самую целомудренную меру...

Вскоре луч фонаря высветил надпись на стене, сделанную белой краской: – «Здесь был Вася!».

– Всё – как и всегда, – огорчилась Аля. – Хочешь совершить судьбоносное научное открытие, выводящее археологию на качественно-новый уровень, а находишь – лишь дурацкого «Васю».

– Не расстраивайся так, душа моя, – посоветовал Гарик, обеспокоенно оглядываясь назад. – Кстати, мы уже прошагали по подземелью метров восемьдесят-девять. Смотри, как симпатично смотрится вход в пещеру – милым светло-жёлтым пятнышком... Я уже говорил, что у тебя – безумно-вкусные губы? Нет? Вот, говорю... Какой красивый камушек! И по размеру подходит... Может, заберёшься?

– С огромным удовольствием, мой идалго рязанский...

Минут через... Трудно сказать, через сколько, Алевтина, повернув голову в сторону, удивлённо сообщила:

– Что-то изменилось – с мироощущениями и восприятием цветов. Ещё совсем недавно вход в пещеру, то есть, выход из неё, смотрелся – с этого места – добродушным светло-жёлтым пятнышком...

– А сейчас?

– Багово-красной каплей крови... Может, Игорёк, в этом виноваты твои горячие поцелуи?

– Всё может быть, – недоверчиво глядя в нужную сторону, ответил Гарик. – Красный, как пишут в гляцевых журналах, цвет необузданной и неудержимой страсти... Только внутренний голос мне подсказывает, что в данном конкретном случае дело совсем не в этом. Надо, любовь моя, срочно выбираться на земную поверхность...

Солнце уже на две трети диаметра скрылось за линией горизонта. На вечернем небосклоне не наблюдалось ни единого облачка, вокруг безраздельно царили абсолютная тишина и полное безветрие, угрожающе дышащее недоброй жарой. Везде – на юге, севере, западе и востоке – к небу поднимались ало-малиновые языки чуть подрагивающего марева.

– Похоже, что полыхнуло везде и сразу, – прокомментировал Гарик. – Так всегда и бывает. По крайней мере, именно об этом нам и рассказывает мудрая наука философия. Мол, одно – всегда – к одному, а беды и неприятности – хлебом не корми – обожают собираться в стаи...

Со стороны пруда раздались призывные крики:

– Ау! Игорь! Алевтина! Где вы? Сюда! Кончайте миловаться... Ау!

– Уже идём! – сложив ладони рупором, ответил Гарик. – Ждите!

Слегка растрёпанная Екатерина излагала – вольно или невольно – уподобляясь поцарапанной грампластинке:

– Что же нам теперь делать, мальчики и девочки? Полыхает со всех сторон сразу. Северовосточный ветер задул. Чувствуете – усиливается прямо на глазах? Со стороны, где находится посёлок Ласковский жаром так и пышет. В смысле, со стороны деревни Ласково... Что же нам теперь делать, мальчики и девочки? Полыхает со всех сторон сразу. Задул сильный северовосточный ветер...

– Отставить нудное бабское нытьё! – сварливо велел Глеб, небрежным движением поправляя ремешок на шортах. – Необходимо срочно идти к лагерю. За мной, бродяги!

– Подожди, торопыга! – вмешался Гарик. – Рыбу же надо забрать, удочки смотать, разобрать подсачник...

– Вы, что же, даже успели порыбачить? – искренне удивился приятель. – Совсем, видимо, сошли с ума.

– Вы спининговали, мы – как и договаривались – баловались поплавочными удочками.

– Спининговали? Ну, можно и так назвать это увлекательное и, безусловно, захватывающее действие... Почему бы и нет? Только, вот же, они, спиннинги. Так и лежат в брезентовых чехлах, под ракитовым кустом... Ох, и ни фиги же себе! А у вас тут, действительно, килограмм пять-шесть отборной рыбы! Бывает, однако. Удивили, соратники... Знать, быть наваристой и вкусной ухе! Если, ясен пень, пожары не помешают...

В лагере (вернее, в заброшенном хуторе), никто не спал. Ребята и девчонки бестолково сновали туда-сюда. Над трубой летней кухни поднимался тоненький дымок. На хлипком крыльце избы, расположенной ближе к просёлку, стоял неброский чёрный ящик-параллелепипед, оснащённый длинной блестящей антенной, к которой был присоединён тонкий чёрный провод, чей конец (с металлической бляхой) был заброшен на вершину старого тополя. Рядом с ящиком сидели Саша Никоненко и бригадир Кузьмич, облачённый – на этот раз – в старенькую форму ВДВ, с лычками старшего сержанта на погонах. Из-за угла избы стыдливо высовывался капот Уазика.

Низкочастотный передатчик, регулярно сбиваясь с волны на волну и противно потрескивая при этом, неохотно вещал – разными голосами:

– Горит Мещера! Страшно горит, в горле непреходящий ком. Не от гари, от горя и страшной обиды... За прошедшие несколько часов сгорели – Криуша, Передельцы, большая часть Картаносова, часть домов в Кельцах. Требухино, по словам очевидцев, сгорело за десять-двенадцать минут – шел верховой пожар из леса, непосредственно подступающего к деревне, взрывались газовые баллоны. Куски шифера разлетались в разные стороны. Это был самый настоящий ад... Под угрозой Заборье, Солотча, Деулино, Ласково... А там – между Ласково и Деулино – тридцать километров леса почти без единого просвета, не считая нескольких дореволюционных мелиоративных канав шириной не более четырёх-пяти метров и двух небольших речек. Для верхового пожара – пара пустяков... Всё это – красивейшие места Мещеры, жемчужина среднерусской тайги! Помогите – хоть кто-нибудь! Кхы-кхы-хы... Здесь двадцать-дробь-первый! Стоим около посёлка Ласковский. Приказа на тушение пожара так и не получили. Огонь не дошел до нас метров на восемьсот. Зрелище страшное и чудовищное – дома сгорают за двадцать-тридцать секунд, как спички... Сгорают, благодаря огненному вихрю. Смерч будто рукой сминает все постройки. Раз – один дом, два – другой... Даже пепла нет... Пиу-пиу-пиу. Говорит областной штаб! Всем, кто меня слышит! На сегодняшний день – в результате лесных пожаров – в регионе огнем уничтожено двести шестьдесят два жилых дома, без крова остались семьсот тридцать девять человек, семь жителей Рязанской области погибли. Больше всего пострадали населенные пункты Клепиковского, Рязанского, Рыбновского районов. Огонь приближается к Окскому государственному природному биосферному заповеднику, где долгие годы разводят зубров и стерхов³. По просьбе Губернатора Рязанской области – для тушения лесного пожара в Окском биосферном заповеднике – ожидается прибытие двух профильных самолётов ИЛ-76, стоящих на балансе МЧС России... Валерий Ионкин – заместитель Губернатора Рязанской области – в ходе селекторного совещания заявил: – «Помощь нужна в авиатехнике. Сегодня мы ждем четыре самолета, которые займутся тушением Окского биосферного заповедника. Еще нужны специально-оборудованные вертолеты для тушения точечных очагов пожаров...». Высокопоставленный чиновник также сообщил, что в понедельник

³ – Стерх – белый журавль, внесён в Красную Книгу.

для тушения лесных пожаров с Дальнего Востока в Рязань придут семьдесят пять человек, а также будет задействован сводный отряд волонтеров из Тульской области и техника из Тамбовской. Кхы-кхы! Пиу-пиу-пиу.... Ужасно и отвратительно бездействие Властей! Никто даже и не пытается тушить Криушу! Сволочи сытые! А Требухино сгорело от верхового пожара, шедшего со стороны Уржинского озера.... Не далее, как два дня назад, наши областные депутаты клятвенно заверяли население, что небольшой пожар в районе Уржинского озера успешно потушен. Значит, опять имеет место быть невероятная и наглая ложь?! Гниды лицемерные! А потом они будут удивляться, мол: «С каких таких пирожков подгоревших началась очередная революция?».... Средств на тушение пожаров нет, сил тоже нет. Техника допотопная и старая, авиация не используется. Видимо, сто пятьдесят километров от Москвы по прямой – это слишком далеко, чтобы прислать пожарную авиацию. Лучше отправить ее – в качестве братской помощи – в далёкую Южную Америку? Если и на этот раз Власть вылезет сухой из воды, то грош нам всем цена – всему народонаселению нашей области, всей стране в целом.... Да, людей эвакуируют, слава Богу! Но это и всё, на что способна областная администрация? Нет, она еще способна многократно занижать масштабы бедствий, чтобы, не дай Бог, московские Власти не узнали всей правды и не вызвали на ковер. По официальным сведениям в области за последние сутки сгорело сто десять домов. На самом же деле – на много больше. Пиу-пиу-пиу! Кхы-кхы-кхы! Вечером двадцать девятого июля стихийные пожары возникли сразу в нескольких населённых пунктах Клепиковского и Рязанского районов. По словам очевидцев, уже сгорели деревни Требухино, Передельцы и Криуша, огонь добрался до посёлков Кельцы и Ласковский. Как сообщал вечером двадцать девятого июля сайт ГУ МЧС России по Рязанской области, в восемь вечера поступила информация о загорании участка леса в Рязанском районе, вблизи населённого пункта Передельцы. Из-за сильного ветра – до двадцати пяти метров в секунду – пожар быстро перешёл в верховой и перекинулся на деревню. По оперативным данным, сейчас горит восемь-десять построек, с огнём борются четырнадцать человек личного состава государственной противопожарной службы с помощью девяти единиц техники.... Погибших и пострадавших нет. На месте находится начальник Главного управления МЧС России по Рязанской области Олег Никифоров, ведутся активные работы по локализации пожара.... По состоянию же на двадцать часов пятьдесят пять минут пожар в селе Криуша Клепиковского района был успешно локализован. По оперативным данным, от огня пострадало примерно тридцать пять строений разного назначения. На месте работает семь единиц техники и семнадцать человек личного состава.... Локализован пожар и в населённом пункте Култуки Клепиковского района, где в результате горения лесного массива огонь перекинулся на деревню. Сгорело шесть построек, из них две жилые. Сейчас там работают девять единиц техники и четырнадцать человек.... Пиу-пиу! По словам главы Заборьевского сельского поселения Николая Логинова, обстановка сложилась крайне сложная: пожары полыхают в непосредственной близости от населённых пунктов Деулино, Картаносово и Приозёрный. Из-за сильного шквального ветра огонь распространяется очень быстро и непредсказуемо, некоторые жители деревень не успевали собрать пожитки и завести свои машины, поэтому просто убегают от огня. Всюду царит паника, отмечены случаи мародёрства.... По примерным подсчётам, без крова уже остались сотни семей. Началась эвакуация погорельцев и населения близлежащих населённых пунктов. На местах постоянно дежурят представители милиции, МЧС и органов местного самоуправления. Для эвакуации подогнано несколько автобусов – те, кто хочет, уезжают, но некоторые сознательные жители остаются помогать пожарным.... В Солотче, Заборье, Полково и Агра-Пустыни вечером двадцать девятого июля были отключены свет и вода. Эвакуируются детские и подростковые оздоровительные лагеря. По последним данным, сильное возгорание лесного массива было зафиксировано в районе Агра-Пустыни.... Кхы-кхы-кхы! Пиу! Добавлю от себя, что вначале техники было очень мало. Только когда пламя уже вовсю бушевало, начали стягиваться пожарные машины. Несколько домов на моих глазах отстояли. Наш

же дом находился в непосредственной близости от этого ада. И только благодаря ветру, дующему от нас, пронесло. Пока пронесло... Ибо горит всё вокруг. Пожары приближаются со всех направлений сразу, но пожарники не спешат тушить. Их стянули лишь к позднему вечеру – много машин, поливалки, трактора, но когда я лично там ходил... Пожарные машины стоят, пожарники курят, травят неприличные анекдоты и громко смеются. Трактора даже не сгрузили с Камазов... А всё вокруг полыхает. Грустно это... В половине девятого, отвезя из дома половину вещей, мы приехали обратно. На подъезде к сёлу появилось багрово-пурпурное свечение, из низких чёрных туч пошёл снег из пепла. Большая часть пожарных наблюдала за догоранием деревни. Местные жители с лопатами хоть как-то пытались отстоять... Недогоревшие дома представляют собой картину эвакуации из старых чёрно-белых фильмов про войну. Все сидят на узлах-чемоданах и чего-то ждут... При спасении детишек из детского сада... Пиу-пиу! Здесь Чащино – Клёпиковского района! Всем, кто меня слышит! Горим, горим, горим! Сотовые телефоны не работают! Пожар никто не тушит! И даже не пытается этого делать... Говорит деревня Ужищево! Обороняемся от огня собственными силами! Ветер идёт прямо на нас! Нет – надежды... Мы звонили в московский МЧС. Ответы были простыми и неприятными: – «Ваша деревня по сводкам не проходит. Ситуация находится под постоянным контролем...»... Пию! Приём? Слышите меня? Откликнитесь – кто-нибудь! Криуши на связи... Криуши, которых уже нет... От жары произошло короткое замыкание. Спустя полчаса горело уже семь домов. Сгорела больница, школа, почта, даже сельское кладбище. Страшная картина – полыхающие кресты. Американские фильмы ужасов – страшилки для ребятишек младшего школьного возраста... Пожар вихрем пронёсся по центральной улице. Полуголые пожилые люди выпрыгивали из окон, даже не успев взять документы. Восемидесятилетняя старушка неудачно упала, перелом шейки бедра... Пиу-пиу! Наши Передельцы сгорели дотла. Половина Требухино полыхнуло. Пламя почему-то остановилось около кафе «Подкова». Чудо какое-то, право. Мистика натуральная... Полностью сгорели Криуши. Никакой помощи людям там не оказывали. Стихийно организовался штаб на базе Криушинской больницы, там полно людей, которых вывезти и расселить не успели. Есть старики, у которых нет ничего, они еле успели выбежать из домов, которые загорались через каждые две-три минуты. За Передельцами уже пятнадцать минут, как бушует открытый огонь... Ветер моментально разносит языки пламени всё глубже в лес. На пути стихии – посёлок Ласковский. То есть, деревня Ласково. Сюда верховой пожар добрался за несколько часов, а на дома перекинулся за считанные минуты. Самостоятельно отстоять избы жители не смогли...

Алевтина, бросив чехол с удочками на землю, возмутилась:

– Почему же мы бездействуем? Ведь, Ласково горит! Надо срочно идти туда и помогать людям!

– На мой взгляд, этого делать не надо, – возразил Кузьмич. – Причём, ни в коем случае...

– Почему это? – поинтересовался Гарик, чувствуя на себе Алин вопросительный взгляд. – Труса изволим праздновать, господин пасечник? Типа – штанишки неожиданно намокли?

– Потому, что ветер дует, как раз, со стороны Ласково. Причём, дует, постоянно усиливаясь. То есть, прямо на нас – вдоль дороги, по обеим её сторонам – двигается верховой пожар. Надо срочно делать ноги. В смысле, организованно и планомерно отступать к Деулино. Я уже все пчелиные ульи составил на прицеп.

– В Уазик надо сложить продовольствие, – распорядился Никоненко. – Ещё там разместятся все наши девчонки. В Деулино имеется в наличии несколько брошенных изб. Будем отстаивать от огня эту деревню. Копать траншеи, рубить широкую просеку.

– Я не поеду на машине! – непреклонно заявила Аля, крепко обхватив ладошками левый локоть Гарика. – Пойду пешком вместе со всеми!

– Да и мне пешие прогулки по душе, – поддержала подругу Катерина. – Говорят, что они эффективно способствуют нормализации веса.... Давай, Саша, поезжай вместе с девицами. Присмотришь за ними, чтобы не потерялись во всеобщей суете. Чтобы никто, часом, не обидел...

– Все ко мне! – поднимаясь на ноги, прокричал Никоненко. – Заносим продовольствие в машину! Запихиваем туда же барышень.... Плотней усаживайтесь, девушки. Плотнее! Для меня предусмотрите местечко.... Пацаны, стройся! Вещи уже собрали? Молодцы! Теперь организованно выдвигайтесь на Деулино. Место встречи – изба под металлической крышей, выкрашенной в тёмно-зелёный цвет. Уазик будет стоять рядом.... Выступаем, бойцы, выступаем! Поторапливайтесь, пожар приближается.... Петров и Наумов! Вам что, нужна отдельная команда?

– Сейчас переоденемся, вещи соберём и догоним остальных, – пообещал Гарик. – Кстати, а с рыбой-то что делать?

– С собой захватите. Может, и пригодится. Пожар – пожаром, а ужин – ужином...

Уазик, громко бибикнув на прощание, укатил к Деулино, вслед за ним бодро зашагали волонтёры мужского пола, плотно нагруженные рюкзаками и баулами. В заброшенном хуторе остались только четверо рыбаков.

Гарик отнёс рюкзаки (свой и Алевтины), а так же полиэтиленовый пакет с рыбой на обочину просёлочной дороги и, взглянув в сторону Ласково, восхищённо выдохнул:

– Ничего себе! Офигеть и не встать! – поднял вверх руку, прикрывая рукавом лицо от нестерпимого жара.

Вдоль дороги передвигалась, неуклонно приближаясь, длинная, малиново-оранжевая стена огня. Ветер был сухим, колючим и угрожающе-горячим.

– Верховой пожар, он может за одну секунду продвигаться на восемь-десять метров, – со знанием дела пояснил подошедший Глеб. – То есть, может развивать скорость «передвижения» до тридцати пяти километров в час. Ширина данного огненного фронта – визуально – превышает два с половиной километра.... Чёрт побери! Надо поторапливаться, соратники! Похоже, что всякие шутки закончились...

На крыльце что-то упало, и тоненький Катин голос пожаловался:

– Вот же, не повезло.... Больно-то как! Мамочки!

– Что случилось? – забеспокоился Глеб, бросаясь к избе. – Говори, пожалуйста, толком!

– Навернулась в темноте со ступенек. Кажется, ногу вывихнула, а может, и сломала...

– Нам только этого и не хватало – для полного и окончательного счастья, – расстроено пробормотал Гарик. – Тащить Екатерину на руках-плечах? Попробуем, конечно. Деваться-то некуда. Только весу в ней – килограмм восемьдесят пять. Совсем и не пушинка ольховая...

Стена огня заметно приблизилась, вокруг стало светло – как в солнечный полдень.

– Зажаримся, ведь! – отчаянно воскликнул Глеб. – Что делать-то? У Кати с ногой всё очень серьёзно. Даже наступать на подошву не может. В том смысле.... Ну, вы, наверное, поняли, о чём я толкую...

– Надо идти к пещере! – предложила Аля. – Отсидимся в ней.

– Угорим!

– Там есть отличная вентиляция, – поддержал Алевтину Гарик. – Причём, струя свежего воздуха выходит из-под земли на поверхность. Это наш единственный шанс на спасение...

– Бегите за остальными! – велела Катя. – А мы с Глебом переждём пожар в подzemелье.

– Вы же не знаете, где находится пещера.

– Ерунда, найдём. Бегите, кому сказано! Это приказ!

Аля, гордо скрестив руки на груди, возмутилась:

– За кого ты меня держишь, Екатерина Андреевна? За последнюю трусиху и бесстыжую негодяйку? Чтобы я бросила подругу в беде? Не дождёшься! Даже и не мечтай...

– Пусть идут с нами, – махнул рукой Глеб. – Нельзя тратить время на глупые споры. Если не сторим заживо, то всё испортим... Вперёд!

«Как он сказал?», – мысленно засомневался Гарик. – «Мол, всё испортим? Что, собственно, испортим? Может, Глеб просто оговорился?».

Они по короткому мостику перебрались на противоположный берег безымянной реки. Глеб тащил на плечах Екатерину. Гарик и Аля несли вещи и чехлы с удочками-спиннингами.

– Может, эта речка задержит-остановит пожар? – на ходу предположила Алевтина. – Ну, хотя бы ненадолго? Минут на семь-восемь?

Вскоре со стороны хутора раздались громкие выстрелы.

– Что это? – опешил Глеб. – Кто-то палит – короткими очередями – из автомата?

– Избы горят, – пояснил Гарик. – Шифер от жары, разлетаясь в разные стороны, «стреляет»... Давай меняться грузом, дружище...

Пламя бушевало уже совсем рядом, река – узким зеркалом – отражая его, смотрелась огненной.

– Красиво-то как, – прошептал Гарик и, обернувшись, велел: – Аля, иди первой! Фонарик у тебя? Включай! Быстрее, ребята! Наддай...

В пещере было темно и прохладно.

– Замечательно! – одобрил Глеб. – И ветерок дует ласковый...

– Не останавливаться! – хрипло прокричал Гарик – Вперёд! Уходим максимально глубоко! Как ты, Катя?

– Нормально, – прошептала ему в ухо Екатерина. – Жить, похоже, буду. Когда закончится этот кошмар, обязательно сяду на диету. Надо сбросить килограмм десять-двенадцать. Для начала, ясная ласточка...

Метров через сто пятьдесят пещера резко повернула налево, ещё через пять-шесть минут Гарик остановился и известил:

– Всё, братцы, объявляется привал. Катя, ссаживайся! Фу, притомился чуток... Будем пережидать пожар здесь. Ага, это что у нас такое?

– Родничок! – радостно откликнулась Аля. – Вода чистая-чистая, прямо-таки хрустальная... У, какая холодная! Зубы, аж, ломит... А долго мы будем пережидать?

– До утра. Что, спрашивается, делать ночью на пепелище, заполненном горячими углями? Ожоги зарабатывать?

– Подземный ветер стал гораздо сильнее, – подозрительно передёрнул плечами Глеб. – К чему бы это, а?

– К тому, что пожар добрался до пещеры. Вот, тяга и усилилась. Теперь подземный кислород – ударными темпами – сгорает в жарком пламени. Скорее всего, сейчас вход в наше подземелье напоминает собой гигантский факел...

Глава четвёртая

Миражи на пепелище

Глеб озабоченно нахмурился:

– А этот факел – над входом в пещеру – потухнет когда-нибудь? Я имею в виду, в ближайшее время?

– Потухнет, – успокоил Гарик. – Кислород лишь поддерживает эффективное горение. Когда сгорит топливо – деревья, кусты и трава – угли постепенно остынут, рассыпаясь на мелкие частички, и превратятся в обыкновенную золу. Всё на этом и закончится... Утром выберемся наверх и отправимся к Деулино. Или же к чёрным и несимпатичным головешкам, оставшимся на месте сгоревшей деревни... Кстати, перед пещерным поворотом я видел сухие ветки и поленья, сложенные в кучку. Запасливые спелеологи, очевидно, притащили с поверхности. Или же, например, «чёрные» археологи, ищущие древние клады-сокровища. Предлагаю развести небольшой костерок. Осмотрим Катину ногу, отдохнём, перекусим... А посуду никто не догадался прихватить с собой? Ну, кастрюльку там, сковородку? Ладно, у меня есть две банки с тушёнкой. Откроем и разогреем.

– У меня в рюкзаке имеется рулон алюминиевой фольги! – сообщила Аля. – Выпотрошим пойманную рыбу и запечём её на углях. От чешуи можно не очищать. Жаль, соли нет...

Костёр, слегка потрескивая и плотноядно шипя, разгорелся почти мгновенно.

– Что там, за поворотом? – поинтересовалась сидящая у стены Екатерина, пристраивая вытянутую больную ногу на собственном пухлом рюкзаке.

– Гудит, и пышет жаром, – коротко ответил Глеб. – Давай-ка, красавица моя кустодиевская, я осмотрю твою белоснежную и стройную ножку... Так больно? А, так?

– Ой! Не нажимай больше! Не надо, ради Бога!

– А, так?

– Садист чёртов! Ох, больно! Палач чернявый! Мордва деревенская... Я тебе этого никогда не забуду! Посчитаемся потом, ужо...

Минуты через три-четыре Глеб – до невозможности важным и авторитетным голосом – вынес вердикт:

– Никакого перелома нет и в помине, дамы и господа! Обыкновенное растяжение икроножной мышцы. Сейчас пострадавшую ногу перетянем потуже какой-нибудь тряпицей, например, рукавом от моей старенькой футболки, к утру опухоль и рассосётся. То есть, спадёт... Так что, уважаемая Екатерина Андреевна, серьёзного повода для беспокойства и отчаянья не наблюдается. Смастерим дельный костыль, потихоньку – с Божьей и моей помощью – доковыляешь до Деулино.

– А из чего ты, дорогой товарищ Петров, сделаешь костыль? Ведь, на земной поверхности, наверняка, всё выгорит – вплоть до последней щепочки...

– На дне реки лежат какие-то тёмные брёвнышки, – объяснил Глеб. – Я видел с моста. Нырну, достану и смастерю... А можно, и не заморачиваться с плотницкими работами. Схожу в Деулино и возьму у бригадира Кузьмича напрокат Узик... Что это за подозрительный шум? Гарик, слышишь?

– Ерунда, летучие мыши. Их здесь, судя по всему, очень много.

– Это очень хорошо! Просто замечательно...

– Что же тут хорошего? – удивилась Катя. – Среди них, говорят, иногда встречаются самые настоящие вампиры, обожающие пить человеческую кровушку. Более того, точно известно, что именно летучие мыши являются самыми злостными разносчиками бешенства... Так, а почему никто не потрошит пойманную рыбу? Игорь, лентяй записной, доставай-ка перо-

чинный ножик! Не бойся, и я сейчас присоединюсь к тебе, не успеешь переработаться... Итак, что же такого замечательного, Глебушка, ты нашёл в противных летучих мышках?

– Именно то, что их здесь много. То есть, от голода – случись какой-нибудь долгоиграющий катаклизм – мы теперь точно не умрём.

– Есть летучих мышшей? – ужаснулась Аля. – Ни за что и никогда! Я даже и представить такого не могу.

– Совершенно напрасно, милая сеньорита! – назидательно усмехнулся Гарик, подбрасывая в костёр сухие ветки. – Мой отец однажды, когда ещё служил в советской армии, был командирован в Никарагуа, типа – на помощь тамошним прогрессивным повстанцам. Так вот, однажды американский спецназ загнал их партизанский отряд в древнее подземелье. Загнал, а вход в пещеру подло и коварно взорвал. Батя с товарищами почти три полновесные недели блуждали по подземным коридорам и галереям, ища другой выход на земную поверхность. И всё это время они питались летучими мышками, зажаренными на углях, и странной рыбой без глаз, пойманной в бурной подземной речке. Отец мне рассказывал, что мясо летучих мышшей вполне съедобно и даже немного напоминает парную крольчатину.

– То есть, Игорёк, если я не буду вкушать летучую мышкату, ты меня не возьмёшь замуж? – насторожилась Алевтина. – Ну, я так не играю...

– Женюсь, конечно же... Куда я денусь?

– Ха-ха-ха! – безудержно заржал Глеб. – Снаружи всё полыхает, как в самом натуральном аду, а они мечтают о женитьбе...

– И правильно делают! – стальным голосом заявила Екатерина. – Думать об этом важном деле – никогда не рано, да и не поздно никогда. На данную тему, милый мой Глеб Сергеевич, мы с тобой потом отдельно потолкуем. Причём, вдумчиво так, никуда не торопясь... Что это ты глаза отводишь в сторону, морда поволжская?

– Дык, я ничего. Задумался немного...

– Смотри у меня, вертихвост легкомысленный! Шутки шутками, но, как известно, могут – случайно – и детишки образоваться. Готов, бродяга разговорчивый, стать счастливым папашей? То бишь, главой большой и шумной семьи? Да, не напрягайся ты так. Пошутила я, не более того...

– Схожу, пожалуй, за поворот, – поднялся на ноги Глеб.

– Зачем это?

– Я там заметил большую консервную банку. Пустую, понятное дело. Воды надо вскипятить, а то как-то холодает. Ты, Катенька, оденься, пожалуйста, потеплей. Простуда нам сейчас совершенно ни к чему, а здесь подземные сквозняки гуляют вовсю... Смотрите, братья и сёстры! – указал рукой на стену пещеры, освещённую жёлто-оранжевыми всполохами костра. – Здесь изображено целое стадо мамонтов. Причём, на некоторых животных восседают люди. Странное дело...

Дрова постепенно перегорели на две трети. Артём умело завернул в фольгу выпотрошенных карасей и окуней, после чего выложил получившиеся аккуратные пакетики на плоский горячий камень и – с помощью длинной дощечки – завалил их ярко-малиновыми углями.

Вернулся Петров и, намочив в роднике носовой платок, принялся усердно, но с бесконечно-хмурым видом, оттирать внутреннюю поверхность жестяной литровой банки.

– Что такой смурной? – поинтересовался Гарик. – Голова заболела?

– Нет, просто... Понимаешь, повернул я за поворот, а гул от пожара затих, то есть, совершенно. Более того, от входа в пещеру холодком повеяло. Наверное, пожар ушёл дальше, к Деулино. Подобрал я банку, а в ушах, вдруг, что-то застучало и запульсировало...

– Со мной – с сильного похмелья – такое тоже иногда случается, будто бы сердце стучит в голове.

– Вот-вот! А потом этот стук стал постепенно учащаться, сквозь него слышались людские голоса-фразы, произнесённые на каком-то незнакомом, очень гортанном языке...

– Это ты, наверное, надышался угарным газом, – предположила Катя. – Давай-ка, я тебе на затылок полью холодной родниковой воды? Говорят, что помогает.

– Спасибо, не надо, – отказался Глеб. – Действительно, всё это слегка напомнило мне... э-э-э, последствия от приёма сильнодействующего галлюциногена. Один раз, ещё на школьном выпускном вечере, я сдуру затянулся пару-тройку раз «травкой». Тогда тоже слышались странные, откровенно-нездешние голоса... Что ты, Катенька, так подозрительно и осуждающе смотришь на меня? Клянусь, только один раз я пробовал анашу! Честное благородное слово! Что бы мне солнышка яркого больше не видеть никогда! Вот, слышите? Опять... Стучит?

– Стучит! – обеспокоенно вода лучом карманного фонарика по своду и стенам пещеры, согласился Гарик. – Причём, всё громче и громче. Громче и громче... Африканские тамтамы? Ага, вот, и человеческие голоса прорезались. Вернее, какие-то неясные вопли-вскрики...

Тамтамы стучали всё отчётливее, громче и яростней. Хриплые людские голоса слаженно и дружно скандировали:

– Ра! Ра! Ра! Ра! Ра!

– Откуда идут эти звуки? – испуганно моргая пушистыми ресницами, спросила Аля. – Никак не могу понять...

– Похоже, что со всех сторон сразу, – ответил Гарик, машинально вертя в ладонях раскрытый перочинный нож.

– Как-то неуютно стало на душе, – призналась Алевтина. – И, честно говоря, слегка страшновато... Игорёк, прекращай вести себя, как маленький мальчик! Это я говорю про баловство с ножом. Порежешься ещё...

Неожиданно людские крики утонули в громком трубном звуке. Из глубин подземелья долетело-послышалось громкое загрохотное хлопанье, и вскоре над головами незадачливых волонтеров стремительно пронеслась большая стая летучих мышей. Через минуту к выходу из пещеры проследовала вторая стая, за ней третья, четвёртая...

– Весь продуктовый запас сбежал, – огорчённо хмыкнул Гарик. – Так и не удалось отведать крылатой мышатины.

А потом в подземном коридоре установилась абсолютная, очень тревожная тишина, только изредка постреливали угольки костра.

– Не нравится мне всё это! – заявил Глеб. – Ещё не хватало, чтобы сбылось дурацкое пророчество Пал Палыча...

– О чём это ты, милый? – заинтересовалась Екатерина. – Что ещё за пророчество? И кто такой – Пал Палыч?

– Есть у нас с Гариком один хороший приятель. Вернее, товарищ-коллега по рыбной ловле. Он уже совсем старенький, в следующем году будет отмечать пятидесятилетие... Раньше Пал Палыч физику и химию преподавал в питерском Университете, а потом «завязал» с этим неблагодарным делом и подался в идейные уфологи. Изучает всякие НЛЮ, снежного человека, инопланетян, интересуется «пробоями» во Временных потоках...

– Полусумасшедший и безобидный чудаки?

– Что-то вроде того... Так вот, как-то по прошедшей весне Палыч заявил, мол: – «Аномально-устойчивые антициклоны могут – чисто теоретически, понятное дело – сопровождаться «пробоями» во Времени. Причём, веерными и многоярусными «пробоями»...». Я и подумал между делом, что недавние людские голоса, сопровождаемые тамтамами и громким трубным рёвом, это он и есть – горячий привет из Прошлого, – секунд через пять-шесть непонятно уточнил: – Только, совсем не из того...

– А что это за зверь экзотический такой – «веерные и многоярусные «пробой» во Времени»? – спросила Аля, пропустив мимо ушей последнюю фразу Глеба.

– Бог его знает! В тот раз Пал Палыч принял «на грудь» лишнего и, так и не дорассказав своей теории до конца, заснул возле походного костра. А с утра начался бешеный клёв, этот разговор и забылся.... В любом случае, я не горю ни малейшим желанием – повстречаться с вышеупомянутыми таинственными «пробоями». Это Гарик у нас – записной и хронический авантюрист. Его, добра-молодца, хлебом не корми и пивом не пои, дай только вписаться в какую-нибудь сомнительную историю.... Кстати, орлы и орлицы любопытные! Вы, что же, забыли про рыбу? Не пригорела ли она, часом? Гарик, разгребай угли! У меня кишки от голода уже завязались классическим морским узлом...

Рыба, не смотря на отсутствие соли, получилась очень вкусной и ароматной.

– Натуральное объеденье! – нахваливала Аля. – Такой вкусотищи даже в знаменитых парижских ресторанах не подают. А коричнево-золотистая корочка – Божественный восторг! Кипяток уже остыл? Дайте, пожалуйста, глотнуть.... А что мы будем делать дальше?

– Конечно же, спать, – устало откликнулся Гарик. – Костёр почти догорел, дров больше нет, угли остывают – прямо на глазах. Карманные фонарики желательно побережь, чтобы не подсели батарейки. Сейчас соорудим из наших вещей некое подобие постелей и попробуем уснуть. Утро, как нас учит старинная народная присказка, всегда мудренее.... Так, кажется, опять застучало! Вот, и людские голоса зазвучали...

Тамтамы – с каждой прошедшей минутой – стучали всё громче и яростней. Хриплые людские голоса дружно и слаженно скандировали:

– Ра! Ра! Ра! Ра! Ра!

– Тьфу! – зло сплюнул в сторону Глеб. – Уснёшь тут, пожалуй.... Впрочем, лечиться надо всё равно. Катерина, подруга моя боевая, мы где, собственно, расположимся? Понял, сейчас сооружу уютное и удобное гнёздышко на две молодые персоны...

Станный подземный шум, наконец, затих, потом – минут через восемь-десять – вновь вернулся. Затих, вернулся, затих.... Тем не менее, усталые волонтеры очень быстро заснули, не обращая на эту странную звуковую какофонию ни малейшего внимания...

Гарик проснулся первым, сладко зевнул и мысленно удивился: – «Где это я, интересно, нахожусь? И почему вокруг так безысходно темно? Вернее, черным-черно? Ах, да! Наверну же полыхнул верховой пожар, москвичка Екатерина вывихнула ногу, и нам пришлось, спасаясь от огня, спрятаться в древней пещере.... А что такое лежит у меня на груди? Это же Алина голова! У нас с ней, в смысле, с Алевтиной, безумная взаимная любовь.... Так, а что дальше?».

Он, стараясь не делать резких движений, поднёс кисть левой руки к глазам и пристально всмотрелся в циферблат наручных часов, слегка светящийся всеми оттенками зелёного.

– Который час? – сонно пробормотала Аля. – И почему ты носишь часы на левой руке?

– Ты очень наблюдательная девушка.

– Ага, есть такое дело. И наблюдательная, и девушка. Ты, милый, так и не ответил на мои вопросы...

– Часы я ношу на левой руке потому, что являюсь правшой, – принялся сбивчиво объяснять Гарик. – То есть, правая рука гораздо чаще находится... м-м-м, в работе. Значит, и вибрация гораздо сильнее, часы, ненароком, могут сломаться...

– То есть, твой правый кулак – гораздо чаще, чем левый – прилетает в торец всяким разным уродам, гнидам и козлам?

– Можно и так сказать-объяснить.... А времени сейчас – двадцать пять минут десятого. Утра, естественно...

– Мы так долго спали? – поднимаясь на ноги, удивилась Аля. – Считаю, что нам надо – как можно быстрее, без промедлений – подниматься на поверхность и идти к Деулино. Наверняка, нас уже хватились. Не дай Бог, ещё посчитают сгоревшими в лесном пожаре и сообщат об

этом родителям. А у моего папы полгода назад случился инфаркт, ему нельзя волноваться... Подъём, соня двухметровая, подъём!

Тихонько щёлкнула кнопка карманного фонарика, по стенам пещеры беспорядочно забегал шустрый светло-жёлтый луч. Примерно через полторы минуты Аля обеспокоенно спросила:

– Где же Глеб и Катя? И их рюкзаки пропали куда-то. А чехлы с удочками, спиннингами и подсачником – на месте...

– Не беспокойся, моя коротко-стриженная нимфа, – зевнув в очередной раз, посоветовал Гарик. – Они, по-видимому, просто уединились. Видишь ли, очень похоже, что любовные отношения Глеба и Екатерины перешли, так сказать, в практическую плоскость. Это мы с тобой, скромница археологическая, тормозим и буксуем...

– Ничего, ещё догоним и перегоним. Потом, когда вернёмся к благам цивилизации. Подождёшь?

– Подожду, без вопросов, сколько скажешь... Ладно, будем умываться, справлять естественные нужды, приводить себя в порядок, завтракать. У нас, ведь, с ужина осталась запеченная рыба?

– Осталась, ещё и на обед хватит, – заверила Аля, рассеяно водя карманным фонариком из стороны в сторону. – Ну, позвать наших озабоченных практиков?

– Зови, конечно.

– Глеб Сергеевич! Екатерина Андреевна! Срочно идите сюда! Срочно! Свежие новости! Сюда!

Чуткое подземное эхо послушно подхватило эти слова, разнося их – призрачным гулом – в разные стороны. Вскоре со стороны подземного коридора, ведущей вглубь пещеры, приветливо замигал-замерцал светлый лучик фонарика, послушался тихий шорох чьих-то шагов.

– Что у вас за свежие новости? – насторожённо поинтересовалась Катя, подошедшая первой. – Хорошие? Плохие?

– Новости? – притворно удивилась Алевтина. – Безусловно, хорошие! Во-первых, мы не сгорели во вчерашнем страшном пожаре. Во-вторых, наступило утро. В-третьих, пропали все подозрительные звуки-стуки. Никто больше не стучит в барабаны и не орёт фанатичными голосами. В-четвёртых, у нас ещё осталось вдоволь вкусной и питательной рыбы... Тебе мало? Кстати, подружка, ты почти не хромаешь. Помогли активные лечебно-оздоровительные процедуры? Какой-нибудь хитрый восточный массаж? Расскажешь потом?

– Маленькая ты ещё, Алька, для моих рассказов, – невозмутимо ответила Катерина. – Развратишься, не дай Бог. Начнёшь грязно приставать к Игорьку, а он не так поймёт, подумает о тебе – чёрт знает что, и – в конечном итоге – раздумает жениться... А кипятка больше нет? Жаль! А то эта родниковая вода очень, уж, холодная. Б-р-р-р! Даже зубы ломит!

– Меньше слов, больше дел! – жизнерадостно и бодро объявил Глеб. – Давайте ваших печёных карасей и окуней! Перекусим по-быстрому и полезем на свежий воздух...

Навьючившись тяжеленными рюкзаками, волонтёры, освещая путь карманными фонариками, медленно и осторожно продвигались к выходу из пещеры.

– Очень сильно пахнет гарью, – занервничала Аля. – А ещё – практически с каждым шагом – становится жарче... Может, пожар ещё только догорает? То есть, угли дотлевают?

– Совсем скоро узнаем, – неуверенно вздохнул Гарик. – Осталось прошагать метров тридцать-сорок. Отойди-ка, черноволосая красotka, за мою спину. Я пойду первым. Чисто на всякий случай...

Он, отчаянно шурясь и промаргиваясь, выбрался на земную поверхность и произвольно присвистнул:

– Картина маслом, мать его! Называется: – «Наконец-таки сбылась заветная мечта Казимира Малевича!»...

Всё было серо-чёрным: безысходно-серое небо и такие же воды пруда, абсолютно-чёрная земля, местами утыканная чёрными огрызками-пеньками сгоревших деревьев. Вокруг стояла мёртвая, чуть звенящая тишина.

– Серая вода? Это, наверное, на ней лежит очень толстый слой пепла, – предположила Аля. – Скорее всего, её сейчас нельзя пить. А жара-то стоит приличная, уже, явно, под сорок градусов. Ни ветерка. Скоро навалится колючая и безжалостная жажда.

– Ничего, я набрал во фляжку родниковой воды, – успокоил Гарик, смахивая со лба крупные капли пота. – Говоришь, что сейчас под сорок градусов? Не удивлюсь, если и больше.... Пекло натуральное! Смотри, над тем местом, где вчера располагался заброшенный хутор, к небу поднимается розоватое марево.... И на востоке – марево. Только с лёгким аметистовым оттенком....

Глеб же, расстроено выдохнув, сообщил – показательно-беззаботным голосом:

– А я, братцы мои, даже рад! Как это – чему? Тому, что вижу перед собой именно то, что и ожидал увидеть...

– Были какие-то сомнения? – вкрадчиво поинтересовалась Катя.

– Конечно же, были! Куда без них? Особенно, после громких ночных тамтамов и гортанных людских воплей. Опять же, эти дурацкие пророчества мечтательного уфолога Пал Палыча.... Вот, шагали мы к выходу из пещеры, а я всё сомневался, мол: – «Что мы сейчас увидим? Вдруг, древние доисторические джунгли, по которым разгуливают бесчисленные стада гигантских и кровожадных динозавров? Или же, к примеру, попадём во Времена Отечественной войны 1812-го года?».... Что это вы, отважные соратники, усмехаетесь так недоверчиво? Пал Палыч, конечно, местами законченный чудак и отвязанный фантазёр, но иногда излагает и вполне разумные вещи. Хорошо, что на этот раз он ошибся.... Ура! Да здравствует родимый двадцать первый век! Одно только огорчает – очень, уж, жарко. Придётся опять раздеваться до плавок-купальников....

Гарик, хмуро покачав головой, посоветовал:

– Не торопись, дружище, радоваться раньше времени. Да и с раздеванием я бы не спешил.

– А, что такое?

– Похоже, что ты сглазил, и всё гораздо серьёзнее. Через левое плечо не плевал, по дереву не стучал, вот, судьба и повернулось к нам задницей.... Посмотри-ка на север.

В указанном направлении мелко-мелко подрагивало аметистовое марево, и сквозь его призрачную пелену отчётливо проступали силуэты высоких неизвестных гор. Отдельные покатые вершины были покрыты пышными белоснежными шапками, многочисленные заострённые чёрные пики поднимались высоко в небо, стыдливо прячась в серых облаках.

– Взгляните на пруд! – жалобно ойкнув, воскликнула Аля. – Этого же не может быть! Не может, но есть....

Там, где ещё совсем недавно наблюдались серые воды скромного деревенского пруда, покрытые толстым слоем пепла, величественно струилась широкая и полноводная река.

– Какая-то она...призрачная, – засомневалась Катерина. – словно бы ненастоящая, берега размыты и слегка подрагивают. Каменные глыбы, расположенные на середине речного русла, просвечиваются насквозь. Водопад очень «медлительный». Струи воды падают с его высокого гребня очень плавно, с неправдоподобно-маленькой скоростью....

– Элементарные миражи, не более того! – презрительно и надменно передёрнул плечами Глеб. – Жара усиливается, вот, и миражи появились. Обычное, в общем, дело.... С каких таких пирожков нам, взрослым и образованным людям, опасаться миражей? Совершенно безобидное и чётко объяснимое физическое явление.... Предлагаю подойти к этой – так называемой – реке, и удостовериться в правоте моих слов. Вперёд, пугливые и недоверчивые бродяги!

Громко хрустя иссиня-черными углями и головешками, Гарик, шедший первым, прошагал по направлению к реке метров пятнадцать-двадцать, после чего резко остановился и болезненно замотал головой – впереди возникли полупрозрачные силуэты разнокалиберных гранитных валунов и молоденьких ёлочек-сосёнок.

– И чего ты застыл соляным столбом? – возмутился Глеб, подходя к ближайшему шарообразному валуну. – Перед нами – обыкновенные и тривиальные оптические обманки, – уверенно провёл рукой «через» каменную преграду. – Видишь, дурилка белобрывая? Очевидно, что эта конкретная каменюка, действительно, существует. Только располагается она за многие и многие сотни километров от Мещерского края. Например, на суровом Кольском полуострове... Произошёл сильнейший пожар, жара перевалила за сорок градусов по Цельсию, вот, и оптические фокусы начались. То бишь, миражи... За мной, к реке! Я ещё никогда не купался в «виртуальной воде»! – двинулся вперёд, уверенно проходя «через» валуны и хвойное редколесье...

Речной берег и всё, что находилось на нём и рядом с ним, тоже был призрачным и полупрозрачным, напоминая собой декорацию к световому голливудскому шоу. Воздух был густым и наполненным – до самых краёв – абсолютной тишиной.

– Какое странное и необычное ощущение! – зачарованно сообщила Аля, скинув матерчатые летние туфли и заходя – по точёные шиколотки – в «виртуальную воду». – Слегка щекотно, словно бы к коже – нежно и очень осторожно – прикасаются струи прохладного тумана..., – неожиданно отчаянно завизжала: – Ой, мамочка моя! Вода стала настоящей! Честное слово, настоящей!

Оглядевшись по сторонам, Гарик вновь недоверчиво затряс головой: всё вокруг мгновенно и кардинально изменилось – цвета, оптические перспективы, запахи. Тихонько звенели-шелестели весёлые речные воды, ненароком встречаясь с прибрежными разноцветными камнями. В молодой рощице, состоящей из деревьев как хвойных, так и лиственных пород, беззаботно перепархивая с ветки на ветку, звонко перекликались пёстрые птички, похожие на обычных синичек и снегирей. Свежий и прохладный воздух был полон незнакомыми ароматами, напоминавшими о существовании безграничной свободы и первобытной дикости. Горный массив на севере визуально приблизился, представ во всей своей красе. Весь пейзаж – в целом – обещал скорые опасности, нешуточные трудности и серьёзные неприятности...

– Добро пожаловать – в Неизвестность, дорогие путники, – тихонько пробормотал Гарик.

Он медленно подошёл к стройной лохматой ёлочке и, неуверенно вытянув руку, осторожно потрогал ладонью тёмно-зелёную ветку. Хвоя была колючей, настоящей и мокрой. А, ведь, ещё минуту назад ладонь, совершенно ничего не почувствовав, прошла бы «через» еловую лапу насквозь...

– Доигрались, добры молодцы и красны девицы! Накаркал-таки Пал Палыч, морда уфологическая! – зябко поёживаясь, объявил Глеб. – Кстати, значимо похолодало. Плюс двенадцать-четырнадцать градусов, не выше. Предлагаю незамедлительно утеплиться! Надеюсь, у всех в рюкзаках найдутся подходящие штаны, свитера, тёплые носки и кроссовки?

– Похоже, что систему слегка загнуло, – непонятно подытожила Катя. – Ладно, подождём, что будет дальше...

Когда процедура переодевания была завершена, Аля, расстроено шмыгая веснушчатым носом-кнопкой, поинтересовалась:

– И что мы теперь, храбрые путешественники, будем делать, а? Куда пойдём? На север? На юг? Чем будем питаться? У кого будем искать реальной помощи и поддержки?

– С точки зрения классической философии, всё достаточно просто, – попытался успокоить девушку Гарик. – Когда не знаешь, что делать дальше, надо успокоиться, расслабиться и старательно ждать...

– Чего, собственно, ждать?

– Подсказок со стороны окружающего тебя Мира. А ещё можно упрямо и целенаправленно, наплевав на всякие незначительные и пустяковые мелочи, верить в свою счастливую звезду. То есть, отдаться – целиком, полностью и безоговорочно – плавному течению судьбы, предначертанной кем-то Свыше...

Подсказка не заставила себя долго ждать. С противоположного берега реки раздался угрожающе-утробный трубный рёв.

– Что это? – испуганно прижала ладони к пышной груди Катерина. – Мне очень страшно! Глебушка, милый, сделай что-нибудь!

– Сейчас проясним ситуацию, – пообещал Глеб, ловко, словно молодой самец горной гориллы, забираясь на верхушку четырёхметрового валуна. – Ваша паника, мадам, преждевременна...

Через пять-шесть минут он спустился вниз и, тщательно отряхивая ладонями колени, хмуро сообщил:

– Сюда приближается нехилое стадо мамонтов. Настоящих мамонтов, очень больших и лохматых, со здоровенными бивнями. Судя по всему, они собираются – именно здесь – форсировать реку. Надо – в срочном порядке – отступать, пока нас в запарке не затоптали.

– А куда – отступать?

– Естественно, к нашей любимой пещере. Если, конечно, она не исчезла. Хотя, по логике вещей, не должна была... Не вижу я, честно говоря, других дельных вариантов!

Глава пятая

Укротители мамонтов

Они торопливо двинулись обратно, к гостеприимной пещере. Никаких чёрных углей и головешек вокруг не наблюдалось. Наоборот, под подошвами кроссовок податливо пригибалась влажная короткая трава, и мягко пружинил пышный тёмно-зелёный мох, густо усыпанный ягодами ещё незрелой и поэтому белобокой клюквы. Рядом с молодыми деревьями елочек и сосёнок часто попадались-встречались разнообразные грибы и низенькие кустики вереска, покрытые сиренево-фиолетовыми корзинками цветов.

– Похоже, что мы оказались в далёком Прошлом, – на ходу делилась мыслями-размышлениями Аля. – И речь, безусловно, идёт о легендарном Каменном веке.

– Преждевременное и скоропалительное утверждение, – не согласилась с подругой Екатерина. – Мамонты появились на Земле более четырёх миллионов лет назад, когда людей, умеющих делать оружие, оснащённое каменными наконечниками, не было и в помине.

– А это ты как объяснишь? – остановилась и разжала ладонь Алевтина. – Вот, нашла на речном берегу.

– Ну, какая-то каменная пластина с заострёнными краями, – недоверчиво протянул Гарик. – Подумаешь, находка...

– И никакая это не «пластина»! А классический кремниевый скребок для выделки шкур убитых на охоте животных.

– Тогда, действительно, Каменный век, – неохотно согласилась Катя. – Впрочем, это не облегчает – ни на йоту – нашего положения. Да, как-то неуклюже и бездарно всё получается...

– Пойдёмте, девушки, к пещере, – нетерпеливо предложил Глеб. – Разговаривать и обмениваться мнениями можно и во время ходьбы... Итак, на сколько тысяч лет мы перенеслись назад?

– От пяти до тридцати тысяч. Точнее, увы, не определить.

– Почему – не определить? Не хватает однозначной информации?

– Ну, ты и зануда приставучая! Во-первых, маститые академики-геологи предполагают, что последний ледниковый период на нашей планете завершился от десяти до тридцати тысяч лет тому назад, после чего человеческая цивилизация начала своё поступательное и победоносное движение вперёд. Во-вторых, принято считать, что все мамонты вымерли примерно десять-одиннадцать тысяч лет назад. Но отдельные прогрессивные учёные (вернее, наглые и самовлюблённые молодые аспиранты) утверждают, что это печальное событие произошло несколько позже. То есть, от пяти до семи тысяч лет назад. Ты, Глебчик, видел большое стадо мамонтов на том берегу реки?

– Видел. Не буду отрицать.

– Теперь сам рассуди и прикинь... Прикинул? Вот, и получается, что сейчас мы можем находиться как в мезолите⁴, так и в позднем палеолите⁵. То есть, на границе между Древностью и голоценом⁶... Только существует одна существенная заковыка. Археологам много известно о культурах мезолита и позднего палеолита на территориях Северной и Центральной Европы. Дания там, Норвегия, Швеция, Германия, Швейцария... Но – Рязанская область? Извините, но про людей Каменного века, проживавших в Мещёрском крае, совершенно ничего не известно. Полное отсутствие информации... Есть ещё одно важное соображение-наблюдение

⁴ – Мезолит – период между палеолитом и неолитом, 6-10 тысяч лет до нашей эры.

⁵ – Поздний палеолит – 8-35 тысяч лет до нашей эры.

⁶ – Голоцен – современный период существования Земли, начался примерно 10 тысяч лет назад.

ние. Вот, эти горы на севере, оснащённые чёрными высокими пиками... Очевидно, древние ледники ещё не закончили своего наступления. Ведь, если рассуждать логически, данные пики должны быть разрушены до основания, а сами горы сглажены и срезаны «ледяным ножом». То есть, они просто обязаны – с течением времени – превратиться в обычные и ничем непримечательные холмы...

– Археология – весьма неточная и расплывчатая наука, – задумчиво подытожил Гарик. – Сплошные туманные предположения и постоянные сомнения.

– Можно подумать, что ваша хвалёная философия – эталон точности и прозрачности, – всерьёз обиделась Аля. – Сплошные нелогичные допущения и пространные толкования событий и предметов, противоречащие друг другу...

Глеб остановился и предостерегающе поднял руку вверх.

– Что случилось? – шёпотом спросил Гарик.

– Пока не знаю. Видишь, лёгкий дымок поднимается над кустами ракитника? Сделаем так. Я належке сползаю туда и посмотрю – как и что. А вы сидите здесь и ждите. Только, ради Бога, не спорьте больше на научные и околонучные темы. Лучше, вообще, молчите – как жирные караси в занюханном деревенском пруду, заросшем зелёной ряской...

Вернулся он минут через семь-восемь и сообщил, растерянно лохматя волосы на макушке:

– Очередной облом, родные мои, нарисовался неожиданно. Очень похоже, что наша пещера – уже, вовсе, и не наша. То бишь, она обитаема, только пока неизвестно кем... Во-первых, перед её входом вытоптана ровная и просторная площадка, на которой в землю вкопано несколько уродливых деревянных идолов. Во-вторых, чуть в стороне от истуканов наличествует большая яма под высоким камышовым навесом, наполненная – доверху и с горкой – ярко-малиновыми, слегка дымиющимися углями. Видимо, местные аборигены заменяют спички и зажигалки постоянно действующей «угольной» ямой... А ещё я видел четыре высокие трубы, сложенные из дикого камня. Они высовываются из-за лиственного мелкокося. Может, это тутошные коптильни? Ну, не крематорий же, в самом деле...

После недолгого раздумья Гарик, указывая рукой направление, предложил:

– Считаю, что нам необходимо забраться на этот холм. Его, кстати, жарким летом 2010-го года не было... Во-первых, он нависает над входом в пещеру, следовательно, будем вести наблюдение. Во-вторых, оттуда, наверняка, прекрасно просматривается и речное русло. И, в-третьих, ветер дует, как раз, в сторону холма...

– А ветер-то здесь причём? – удивился Глеб. – Не понимаю.

– Я просто подумал, что люди Каменного века должны обладать обострённым обонянием. Учуют незнакомый запах, заинтересуются, организуют облаву.

– Вполне разумное и актуальное предположение! – одобрила Аля. – Более того, многие археологи считают, что именно во времена мезолита человеком была приручена – в качестве надёжного и верного помощника – собака. Кстати, у Кати в рюкзаке имеется мощный полевой бинокль...

Холм, покрытый густыми зарослями орешника, действительно, являлся идеальным наблюдательным пунктом.

– Ну, что там у нас с мамонтами? – поинтересовался Глеб, увлечённо щёлкая крупный фундук. – Чёрт, ещё созрел не до конца. Только к концу сентября дойдёт...

– Пока не происходит – ровным счётом – ничего особенного, – сообщила Екатерина, старательно наблюдая за противоположным речным берегом через окуляры бинокля. – Мамонты спокойно пасутся в зарослях какой-то очень высокой и толстой травы и пока даже не пытаются переправиться через речку. Ты, Глебушка, опять что-то напутал... Кстати, в стаде очень много детёнышей, есть и совсем крохотные.

От подножия холма, где располагался вход в пещеру, донеслись отдельные визгливые и сердитые вскрики, переходящие в оживлённый и одобрителный гвалт.

– Любимая, переведи, пожалуйста, бинокль вниз, – попросил Глеб, не отрываясь от колки и поглощения орехов. – Смотри и подробно рассказывай...

Через минуту Катя, солидно откашлявшись, приступила к повествованию:

– Так-с, ребяташки... На круглой площадке – перед входом в пещеру – происходит жаркая женская свара. Вернее, дерутся и отчаянно визжат, вцепившись друг другу в волосы, две молодые женщины, а порядка двадцати-тридцати разновозрастных зрительниц с интересом наблюдают за этим увлекательным действием. Ага, здесь же присутствуют и несколько детишек детсадовского возраста.

– А во что они все одеты? – заинтересовалась Аля. – Как выглядят? Какого роста? Что с цветом и длиной волос?

– Ну, подруга! Сразу и не ответить однозначно... Разнобой полнейший. Все дети разгуливают голышом. А, вот, женщины... Большинство из них – черноволосые, но наблюдаются и светленькие, и рыженькие. Рост и общая комплекция у всех разные. То бишь, всё – как и в наши времена... Местные барышни, естественно, облачены в лохматые звериные шкуры. Вернее, иначе и не скажешь, в одежды, сшитые из различных звериных шкур. Что, на мой взгляд, очень и очень странно...

– Что же в этом странного? – непонимающе уточнил Гарик. – Одежда из звериных шкур? И в нашем цивилизованном двадцать первом веке это не является редкостью. Я где-то читал, что пятьдесят пять процентов современных взрослых жительниц Европы имеют в повседневном гардеробе шубы из натурального меха, или – на худой конец – жакеты, мехом отороченные.

– Понимаешь, в научной археологической среде убеждены, что люди Каменного века были крайне примитивными и недалёкими. То есть, все бытовые проблемы они решали, идя путями наименьшего сопротивления. Например, одежда... Считается, что жители Каменного века по-простому заворачивались в куски звериных шкур. Как закрепляли их на теле? По краям конкретной шкуры пробивали редкие дырочки, через которые пропускали короткие отрезки заранее высушенных сухожилий парнокопытных животных. Потом концы этих сухожилий завязывали нехитрыми узлами. Естественно, что при этом получались грубые и бесформенные балахоны. Или же, к примеру, некое подобие набедренных повязок... А представительницы слабого пола, за которыми я сейчас подсматриваю самым бессовестным образом, облачены в настоящую одежду. То есть, чувствуется, что отлично-выделанные звериные шкуры сперва тщательно кроились и бережно разрезались, после чего аккуратно сшивались. Причём, я наблюдаю одежду различных... м-м-м, фасонов и стилей, если так можно выразиться. Некоторые молоденькие девицы и зрелые женщины, явно, предпочитают «мини». Другие же, наоборот, являются любительницами «макси». Да и шкуры все разные, отличаются и по цветовой гамме, и по густоте меха... Более того, на ногах-подошвах многих любопытных зрительниц наблюдается и некое подобие обуви. А это – вдвойне странно и необычно! Подразумевается, что люди Каменного века даже и не задумывались об обуви, ходя и зимой, и летом сугубо босиком...

– Bravo! Совершенно очередное судьбоносное археологическое открытие! – вылезая из орешника, пафосно объявил Глеб. – Можно готовиться к защите докторских диссертаций... Кстати, а как такое может быть, чтобы серьёзная наука допускала – относительно людей Каменного века – такие упрощённые и неверные версии?

– Во всем виноват Великий ледник, – объяснила Аля. – Наступая, он безжалостно и планомерно уничтожал все следы жизнедеятельности человеческой расы. Или, почти все... Наступал, отступал, вновь – наступал... А потом последний Ледниковый период закончился, ему на смену пришли сильнейшие и регулярные наводнения. Вода же, как всем известно, тоже

горазда – смывать различные следы. . . . Ну, подружка, что сейчас происходит на нашей цирковой площадке?

– Появился какой-то пожилой бородатый дядечка – весь очень важный и солидный из себя, одетый с определённым шиком. Волосы совершенно седые и очень длинные. . . . Ага, сейчас он, грозно размахивая толстым посохом, совершенно невежливо орёт на тутошних дам. Очевидно, пресекает глупый бытовой скандал на корню. . . . Все дети и часть женщин спешно ретировались в пещеру, другие же незамедлительно приступили к выполнению текущих работ. Две молоденькие девчущки сноровисто разводят большой костёр, ещё четыре барышни укладывают на земле – вплотную друг к другу – толстые обтёсанные жерди. Получается некое подобие щита. Рядом с первым «щитом» сооружают второй, третий. . . . Из пещеры выбрались новые работницы. Мастерят в отдалении – из более тонких жердей и не ошкуренных веток – вертикальные. . . . Э-э-э, рамки-экраны. Из высоких труб уличных печек (коптилен?) заструились в небо тощенькие серые дымки. . . . Пожилой же дядечка – не иначе, местный вождь – подошёл к одному из деревянных идолов, положил посох на землю и, с трудом опустившись на колени, почтительно воздел руки вверх. Творит жаркую и прочувственную молитву, надо думать. . . .

Со стороны речной долины послышались далёкие, трубные и певучие одновременно, вопли-вскрики.

– Похоже, там что-то происходит, – забеспокоился Глеб. – Мамонты волнуются и сбиваются в компактное стадо. . . . Катенька, золотце моё бесценное, взгляни-ка, пожалуйста, на противоположный речной берег. Ну, и понятное дело, доложи обстановку.

– Э-э-э, – замаялась Екатерина. – Там, действительно, наблюдается лёгкая паника и пошлая суета. Животные, явно, чем-то встревожены. . . . Ничего себе, дела! Натуральные чудеса в решете, блин горелый!

– Да, ты толком говори, без подгоревших блинов и лирических соплей. Что там происходит?

– Это мне очень напоминает разновидность охоты, когда опытные егеря гонят потенциальную добычу на номера. С десятков охотников, сидящих верхом на мамонтах. . .

– Как это – верхом на мамонтах? – перебила рассказчицу Аля. – Ты ничего, случаем, не путаешь? Может, надо тканью протереть окуляры бинокля? Наверное, слегка запотели. . .

– Ничего я не путаю. И с моим оптическим прибором – всё нормально. . . . Итак, примерно десять охотников в звериных шкурах, восседающие на мамонтах (может, на прирученных?), пытаются отчаянными воплями и угрожающими жестами загнать других мамонтов (наверное, диких?) в речку. Кто так оглушительно и яростно трубит? Похоже, что приручённые животные. Может, они таким образом помогают хозяевам? Ага, стадо, окружив по периметру детёнышей, медленно двинулось к реке. . .

– С философской точки зрения, не происходит ничего сверхъестественного и невозможного, – оповестил Гарик. – Если средневековые индусы умели приручать и дрессировать диких слонов, то почему же жителям Каменного века не совершать аналогичных действий – в отношении диких мамонтов? История нашей цивилизации, как предполагается, развивается по крутой спирали. А дурацкая фраза, мол: – «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!», не имеет ни малейшего философского смысла. Над гениальными фантазиями великого Жуля Верна тоже – в своё время – легкомысленно насмеялись. . .

Через несколько минут Катя возбуждённо сообщила:

– Стадо достигло середины реки! То есть, внутренняя часть стада, состоящая из детёнышей, находится на самой глубине. Некоторые малыши начали захлёбываться и тонуть. . . . Течение реки резко убыстрится! Очевидно, выше располагалась искусственная запруда, которую сейчас спешно разобрали. . . . По реке несутся – плотным потоком – толстенные сосновые брёвна! Мамонтов охватила паника, они, забыв про детёнышей, рванули изо всех сил к берегу. . . .

Трубный рёв стал заметно громче.

– По нашему берегу – со стороны верховий – показалось ещё шесть-семь «всадников», – пояснила Катерина. – Они тоже идут в атаку.... Взрослые дикие мамонты и отдельные детёныши, выбравшись на сушу, тут же бросаются, в смысле, несутся со всех ног, вдоль речного берега – вниз по течению...

– Спустишь я, пожалуй, немного по склону нашего холма, – решил Глеб. – Поближе к входу в пещеру.

– Зачем?

– Почему-то мне кажется, что охотники – по завершению благородного процесса – придут с богатой добычей именно к этой пещере. Горизонтальные «щиты», вероятно, будут служить своеобразными «разделочными досками». А на вертикальные «рамки», наверняка, натянут – для тщательной просушки – свежие звериные шкуры.... Попробую всё рассмотреть получше, ну, и послушать дикарские разговоры. Вдруг, удастся понять что-нибудь? Было бы неплохо. В нашей ситуации дорога любая, пусть и обрывочная информация.

– Глебушка, будь, пожалуйста, поосторожнее! – не отрываясь от окуляров бинокля, попросила Катя. – Мне продолжать повествование, или вам, соратники, уже не интересно? Итак.... Некоторые охотники слезли с мамонтов и вошли в воду. Они направляются к каменной гряде, расположенной примерно посередине реки. Там, в острых камнях застряло – вперемишку с брёвнами – несколько тел утонувших детёнышей. Несколько? Один, два, три..., семь, восемь. Целая гора мяса, если просуммировать.... Люди обвязывают – поочередно – тела погибших мамонтов толстыми верёвками. Очевидно, будут вытаскивать добычу – с помощью прирученных мамонтов – на наш берег.... Из чего сделаны верёвки? Скорее всего, они связаны из длинных отрезков тёмно-коричневой кожи. А может, сплетены из кусков каких-то местных лиан.... Остальные «всадники» окружили четверых мамонтов, отбившихся от стада, и погнали их, ловко работая длинными заостренными шестами, куда-то вверх по течению реки. Наверное, там у них оборудовано что-то вроде зоопарка, где тутошние умельцы-дрессировщики упражняются в своём высоком искусстве....

Через полтора часа к пещере – под приветственные и радостные крики высыпающих из пещеры женщин и детей – прибыл первый «всадник». К короткому хвосту огромного мамонта, на котором он восседал, были привязаны неуклюжие сани-волокуши, сплетённые из ивовой лозы. На санях располагались большие куски ярко-красного мяса, сложенные аккуратной горкой, и пара коричневых мохнатых шкур, свёрнутые в рулоны.

– Надо отдать должное людям Каменного века, – одобрительно пробормотал Гарик, отбравший к тому времени бинокль у Екатерины. – Пошлой суеты и давки не наблюдается, никто не набрасывается на куски мяса и не начинает их жадно кусать.... Наоборот, женщины дружно взялись за работу. Шкуры оперативно натягивают на «рамки», часть мяса, предварительно разделав на «щитах», потащили к коптильням, часть отнесли в пещеру. Всем распоряжается седовласый вождь, которого «каменные» девицы слушаются беспрекословно.

Вскоре появился второй «всадник», за ним – третий.... Работа кипела и спорилась, на все восемь рамок были натянуты недавно снятые (свеже-ободранные?) шкуры, четыре трубы коптилен отчаянно дымили.

Где-то на юго-западе тоскливо и угрожающе завывали волки. Самый крупный из мамонтов тут же оглушительно и долго протрубил в ответ. Волчий вой затих и больше уже не повторялся.

– Процесс, что называется, скрупулёзно отлажен, – уважительно отметила Катя. – Каждый боец досконально знает свой манёвр...

Ещё через некоторое время мужчины забрались – с помощью деревянных приставных лесенок – на мамонтов, и по широкой тропе, протоптанной через сосновую рощу, отправились на восток.

– Видимо, прирученных мамонтов они содержат в другом месте, чем-то привлекательном для животных, – предположила Аля. – Может, на заливных реликтовых лугах, поросших особо вкусной и питательной травой. Или же под крутой скалой, на которой расположен природный солончак.

– Это мы сейчас наблюдаем за древними славянами? – спросил Гарик. – То есть, за далёкими предками древних славян?

– Нет, конечно же. Я не берусь делать конкретные предположения – чьими предками (в национально-расовом плане), являются эти люди. Возможно, что все они вскоре вымрут – либо от резкого похолодания, либо от различных эпидемий... Известно, что примерно одну тысячу лет – до наступления новой эры – на территории Рязанской области проживали племена финно-угорской группы...

– Предки современных финнов?

– Скорее, уж, современных венгров. А славянские племена – в основном, вятичи – заселили этот благословенный край только лет за двести-триста до наступления современной эры.

Наконец, на вершину холма вернулся Глеб, устало опустил на гранитный булыжник, в несколько затяжек торопливо выкурил мятую сигарету и приступил к подробному докладу:

– Во-первых, дамы и господа, хочу вам сообщить, что я безмерно удивлён. Безмерно! В подкорке моего головного мозга, начиная ещё с младшего школьного возраста, прочно сидел стереотип, мол: – «Люди, жившие в Каменном веке, являлись обыкновенными дикарями, совсем недалеко ушедшими от обезьян из джунглей. Они были тупыми, грязными и вшивыми. А разговаривать совсем не умели, только бессмысленно мычали и гукали...». Эти же ребята-девчонки, которые активно суетятся внизу, совсем даже и ничего. В смысле, сообразительные и вполне адекватные. А среди молоденьких девиц встречаются весьма симпатичные и пикантные...э-э-э, особи... Катенька, родная, не надо так грозно и подозрительно смотреть на меня! Запросто прожжёшь дырку!

– Ты хочешь сказать, что наши славные «укротители мамонтов» полноценно говорят-разговаривают? – безмерно удивилась Аля. – Это – самым коренным и кардинальным образом – противоречит современным представлениям о культуре мезолита и позднего палеолита!

– Мало ли, что, – насмешливо поморщился Глеб. – «Пробои» во Времени тоже противоречат всем канонам и законам современной физики. Подумаешь! Дело не в научных представлениях и фундаментальных теориях, а в голых и однозначных фактах. Надеюсь, что никто из вас, мои боевые товарищи, больше не сомневается в существовании «пробоев» во Временных потоках? То-то же! Теперь о языке тутошних «укротителей»... Они общаются между собой с помощью отдельных слогов. Самые распространённые из них: – «Ра, но, га, при, зо, пре...». Причём, слоги произносятся с совершенно-различными интонациями. Так что, можно – при устойчивом желании – понять содержание разговора... «Га!», произнесённое с усиленным звуком «а», сродни нашей фразе: – «Подойди-ка, брат, ко мне!». Если же «Га» говорится со смазанным «а», то по-нашему это будет: – «Свободен!». То бишь: – «Пшёл вон, гнида!»... Кстати, и во многих современных языках интонации очень важны. Например, у нас на третьем курсе философского факультета учится вьетнамец по имени – Ле Жа Дык. Так вот, если «Жа» произнести с одной интонацией, то это будет звучать для вьетнамцев – как: – «Любимый сын могучего Дракона». Если же выговорить «Жа» с другой интонацией, то это будет сродни фразе: – «Лапша для молочного супа»... Кстати, когда из-за серых облаков выглянуло солнышко, все дикари низко поклонились светилу и радостно воскликнули: – «Ра!». Я почему-то думал, что так солнце именовали только древние египтяне.

– Ничего подобного! – возразила Катя. – У многих народов слог «ра» был связан с живительным солнечным светом. Например, наши предки-славяне называли великую реку Волгу – именно – «Ра», что означало: – «Вода, наполненная солнечным светом». И по поводу слога

«га» ты тоже прав. У славян он обозначал движение. А современное слово – «нога»? «Но-га»! Понимаете?

Ответить ей никто не успел, так как сзади раздалось вежливое покашливание, а ещё через долю секунды послышалось и угрожающее рычание.

Гарик резко обернулся. В пятнадцати-двадцати метрах от их компании на низеньком гранитном валуне восседал, небрежно обнимая короткое копьё, оснащённое мощным каменным наконечником, кряжистый мужик средних лет. По обеим сторонам от камня расположились, старательно скаля слюнявые пасти в многообещающих оскалах, два светло-серых пса.

«Вполне даже симпатичный тип. Чем-то похож на благородного разбойника Робина Гута – из старого советского фильма», – подумал Гарик. – «Тщательно-расчёсанные угольно-чёрные волосы, аккуратно-подстриженная полуседая бородка. Мешковатые штаны до колен, пошитые из лосиной шкуры. меховая тёмно-коричневая жилетка на мускулистом торсе. На ногах красуются грубые сандалии... Глаза большие и внимательные, приятного серо-стального цвета. В его облике, безусловно, чувствуется что-то нордическое, северное... А, вот, собачки никакого доверия не вызывают. Ростом с полугодовалого телёнка, глаза круглые, тёмно-жёлтые, практически янтарные...».

Черноволосый мужик приветливо улыбнулся и, указывая корявым пальцем на узкий ломтик солнца, стыдливо выглядывающий из-за серых облаков, торжественно объявил:

– Ра!

– Ра! – машинально согласился Гарик.

– Ра! – поддержали остальные волонтёры.

– Га-а-а! – ласково предложил бородач, вытягивая руку вниз по склону, в сторону пещеры. – Ам, ам! – доходчивыми жестами изобразил процесс поедания вкусного и калорийного мяса.

– В гости, похоже, зовёт, – громко сглотнул голодную слюну Глеб. – Обещает накормить от пуза. Ну, как в том знаменитом фильме⁷: – «Воины-десантники, вы окружены! Сдавайтесь! Вас ждёт сытный ужин, горячий чай и наше радушие...». Может, сходим? Дядечка-то вполне мирный и симпатичный. Тем более что я здорово проголодался, а печёная несолёная рыба уже слегка поднадоела.

– Га-а! – уже со стальными нотками в голосе произнёс «Робин Гут», недовольно сдвинув к переносице чёрные густые брови. – Га-а!

Собаки, прекрасно поняв хозяина, угрожающе зарычали и слегка напряглись.

– Придётся идти, – тяжело вздохнул Гарик. – Во-первых, псы больно, уж, здоровые. Во-вторых, всё равно поймут... – согласно махнул рукой и обратился к бородатому типу: – Веди, дорогой Робин! Мы принимаем твоё любезное приглашение... Только, чур, ты следуешь первым! Вместе с собачками, ясный мезолит, – изобразил пальцами порядок передвижения. – Ну, га-а-а? Или не га-а-а?

Человек из Каменного века вновь добродушно улыбнулся, опершись на копьё, поднялся на ноги и упруго, не оглядываясь, зашагал вниз по склону. Собаки, бодро махая короткими хвостами-обрубками, размеренно трусили впереди хозяина. Волонтёры из двадцать первого века, отстав метров на десять-двенадцать, шли следом.

В какой-то момент Гарик, почувствовав спинным мозгом опасность, насторожился, но ничего сделать уже не успел – в затылочную кость ударило-стукнуло чем-то тяжёлым, рядом раздался пронзительный женский визг.

⁷ – Имеется в виду художественный фильм «В зоне особого внимания».

Падая на мягкий сырой мох, он успел подумать: – «Это, наверное, кто-то умело метнул из пращи подходящий камушек...».

Подумал, и потерял сознание...

Глава шестая

Смертельная опасность, странная ночь и утренний сюрприз

Сознание возвращалось медленно и, если так можно выразиться, поэтапно. Сперва Гарик ощутил тупую, отчаянно-пульсирующую боль в затылке. Волны боли приходили и уходили, то давая короткие передышки, то наваливаясь с удвоенной энергией... Потом вернулось обоняние. Пахло походными кострами, свежей кровью и в меру прожаренными шашлыками. Наконец, полностью восстановился и слух.

Где-то совсем рядом слаженно и упорно стучали тамтамы-барабаны, изредка – примерно один раз в три минуты – раздавался трубный и тягучий рёв-вскрик, а сквозь эту звуковую какофонию прорывались людские голоса, дружно и азартно скандирующие:

– Ра! Ра! Ра! Ра!

Собрав волю в кулак, он открыл глаза и мысленно охнул – зачарованно и одновременно удивлённо. Открывшаяся его взору картинка была абсолютно-нереальной.

«Хотя – с философской точки зрения – ничего нереального в нашем мире не существует», – вкрадчиво прошепел в голове бесконечно-усталый внутренний голос. – «В современных голливудских фильмах и не такое демонстрируют доверчивым зрителям...».

Красно-багровое, неправдоподобно-большое и однозначно-равнодушное солнце уже приближалось к линии горизонта. Круглая площадка, находившаяся рядом с входом в пещеру, была заполнена жителями Каменного века. Мужчины, женщины и дети размеренно приплясывали-подпрыгивали на одном месте и, повернувшись лицами в сторону заходящего светила, как заведённые вопили:

– Ра! Ра! Ра! Ра! Ра!

«Одеты они, как и днём», – заторможено подумал Гарик. – «Только лица, руки и плечи покрыты замысловатыми чёрно-белыми узорами. Да и движения людей какие-то заторможенные и странно-механические. Видимо, наши прародители, отведав какого-то древнего галлюциногена, впали в религиозный транс. Бывает, конечно...».

Он отвёл взгляд от беснующейся толпы и посмотрел направо, откуда исходила местная громкая «музыка». Под холмом, на длинном берёзовом бревне сидели пятеро здоровенных бородатых мужиком, размеренно стучавших огромными кулаками и увесистыми палками по горизонтальным поверхностям разномастных цилиндров. Рядом с «музыкантами» застыл огромный лохматый мамонт, шкура и морда которого были щедро разрисованы странными белыми знаками.

«Это, наверное, знаменитые руны», – предположил Гарик. – «А мамонт, видимо, обучен – в нужные моменты – трубить, поддерживая бородатых барабанщиков. Интересно, а какому знаковому событию посвящён этот красочный обряд?».

– Оклемался, бродяга-неудачник? – поинтересовался рядом знакомый голос. – Давно уже пора. Впрочем, может, и напрасно. Говорят, что смерть, пришедшая к клиенту, когда он пребывает в бессознательном или же в сонном состоянии, самая лёгкая...

Скосив глаза в сторону, Гарик увидел прямо перед собой профиль Глеба Петрова и обрадовано поздоровался:

– Привет, братишка!

– Взаимно, братишка, – равнодушно откликнулся приятель. – Судя по всему, ты ещё не отошёл от удара камнем по голове и, следовательно, не въехал в тему. То бишь, тормозишь – как, впрочем, и всегда. Хотя, в сложившейся ситуации, это не имеет никакого значения...

– А что случилось с нами? И где Алевтина с Катей?

– Стучилось то, чего и следовало ожидать, – прозвучал расплывчатый ответ. – Нас посчитали за ценную и эксклюзивную добычу, посланную добрыми и щедрыми Богами. И, очевидно, скоро используют по прямому, насквозь прозаическому назначению.

– А, можно, поконкретнее?

– Куда, уж, конкретнее! – неожиданно разозлился Глеб. – Что ты всё головой вертишь по сторонам, словно любопытная птица сойка? Смотри, дурилка, прямо перед собой! Внимательно смотри!

Послушавшись совета, Гарик посмотрел в рекомендованном направлении и принялся негромко перечислять увиденное:

– Два деревянных идола. Высокие такие, солидные. Морды лиц очень хмурые, злые и сердитые. Вокруг истуканов беспорядочно натканы толстые колья, увенчанные светло-жёлтыми черепами. . . . Между идолами, на равном удалении, горит жаркий и длинный костёр, над которыми пристроено что-то вроде грубого вертела. Рядом с костром, слегка приплясывая и мелко подёргиваясь, бродит местный вождь и – время от времени – бросает в пламя пригоршни какого-то белого порошка. Частички порошка, тут же ярко вспыхивая, разбрасывают вокруг костра разноцветные, очень мелкие искорки. Кстати, на левой руке этого седовласого типа находятся мои наручные часы. Вождь, а воришка, мать его. . . . По разным сторонам – относительно дурацких идолов – на земле наличествуют «щиты» из деревянных жердей. А на щитах лежат – по одной на каждом – совершенно голые девицы. Одна – пышноволосая кудрявая блондинка в теле. Другая, наоборот, коротко-стриженная худенькая брюнетка, весьма, между прочим, сексапильная. . . . Загорают, что ли? Типа – на нудистском пляже? Интересные дела творятся. . .

– Дурак ты, Игорь Наумов, – печально вздохнул Глеб. – Вернее, законченный идиот, стукнутый по затылку тяжёлым булыжником. . . . Неужели, так ничего и не понял? Тормоз, одно слово. . . . На толстых кольях, натканных вокруг деревянных уродливых идолов, располагаются человеческие черепа. Следовательно, наши гостеприимные хозяева являются идейными людоедами. Как оно тебе?

– В принципе, ничего странного и неожиданного. Я недавно по телеку смотрел передачу про разных обезьян. Так вот, выяснилось, что даже симпатичные и внешне безобидные шимпанзе – естественно, в условиях дикой природы – с удовольствием поедают сородичей. Иногда они даже специально нападают на соседние стаи, чтобы полакомиться трупами себе подобных. Развивая логическую цепочку, можно с лёгкостью предположить, что и люди Каменного века – по большим религиозным праздникам – грешили каннибализмом. Горькая правда, не более того. . . . Подожди, подожди! Это, что же получается?

– Наблюдается следующая, абсолютно несимпатичная и грустная картинка. Мы с тобой (слава Богу, пока одетые!) крепко привязаны к ритуальным столбам. Очевидно, нас скоро зарежут (ну, как жертвенных баранов у мусульман!), старательно разделают и, удалив всю ненужную требуху, насадят – рядышком – вон на тот вертел. После чего, соответственно, зажарят и съедят. Усёк?

– Усёк, – заверил Гарик. – В моей голове начало постепенно светлеть. Похоже, что ушибленный мозг медленно просыпается и приступает к активной работе. . . . Значит, две обнажённые девушки на «щитах» – это Катя и Аля? Их, разведя руки и ноги в стороны, привязали к жердям? Практически – распяли? А во рты вставили кляпы?

– Догадливый. . .

– Неужели, их тоже собрались. . . сожрать?

– Вряд ли, – голос Глеба изменился, став непривычно сухим и хриплым. – Девушек, скорее всего, сейчас будут – целенаправленно и с огромным удовольствием – насиловать всем племенем, то есть, его мужской частью. Соблюдая при этом строгую очерёдность. Может, у них – на такой пикантный случай – всё расписано заранее. Может, будут по-честному метать жре-

бий Я вижу два варианта дальнейшего развития событий. Либо наших милых подружек, захравав до смерти, зажарят (может, закопят или сварят праздничный супчик на всю банду?), и – с отменным аппетитом – скушают. Либо, наоборот, через сутки другие отвяжут, накормят, отведут в пещеру и будут, сдувая пылинки, беречь пуще зеницы ока.... Как это – зачем сдувать и беречь? Типа – будут с нетерпением ждать, мол: – «А что там народится – у симпатичных незнакомок, посланных нам могучими и светлыми Богами? Вдруг, какие-нибудь широкоплечие былинные богатыри, способные оторвать головы всем наглým соседям в округе?».... Вот, как-то так оно, братец-кролик...

«Для чего (и для кого?) глупая Алевтина так трепетно берегла девичье целомудрие?», – принялся ёрничать наглый внутренний голос. – «Получается, что для трёх-четырёх десятков дикарей-людоедов из Каменного века. Дура набитая, право...»

Гарик, послав бесстыжий голос далеко и надолго, яростно заскрипел зубами и слегка напряг мышцы рук и ног, тестируя на прочность местные верёвки.

«Судя по всему, путы-оковы вполне можно порвать. Ни сразу, так минут через пять-десять», – принялся размышлять Гарик. – «Ладно, допустим, что верёвки уже порваны в клочья. Что делать дальше? Может, стоит определить седовласого вождя в заложники? Типа – взять его хилую шею в «железный» борцовский замок? А как объяснить остальным дикарям суть выдвигаемых требований? Мол: – «Немедленно развяжите моих друзей, и отпустите нас на все четыре стороны! Отойдя от пещеры на три-четыре километра, мы непременно отпустим вашего любимого и уважаемого начальника. Естественно, живым и здоровым.... Нет, так не годится. Незнакомый язык – вещь коварная. Возможно фатальное недопонимание, которое, скорее всего, закончится кровавой и бессмысленной бойней. А, если...».

– Глеб, – позвал Гарик. – У меня есть дельный план. Но некоторые детали не стыкуются. Нужна твоя помощь...

– Иди к чёрту! – невежливо отреагировал приятель. – Похоже, что здесь – в очередной раз – начинаются оптически-временные фокусы. Может быть, ещё и пронесёт. То есть, «вынесет» – в правильном направлении...

Вокруг опять всё незримо изменилось. Вот, полупрозрачный «Робин Гут» медленно сбросил штаны, пошитые из лосиной шкуры, и, аккуратно придерживая ладошкой гигантское «мужское достоинство», неторопливо двинулся к «щиту», на котором была распята Алевтина. Сделал шаг, второй, третий и... «растаял» в воздухе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.